

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
**«БЕЛГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»**
(Н И У « Б е л Г У »)

СОЦИАЛЬНО-ТЕОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ ИМЕНИ МИТРОПОЛИТА
МОСКОВСКОГО И КОЛОМЕНСКОГО МАКАРИЯ (БУЛГАКОВА)

КАФЕДРА КУЛЬТУРОЛОГИИ И ПОЛИТОЛОГИИ

**СИМБИОЗ ЛИБЕРАЛЬНЫХ И СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ ИДЕЙ
ВО II ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА**

Бакалаврская работа
обучающегося по направлению подготовки 41.03.04 Политология
очной формы обучения, группы 87001304
Богушева Константина Сергеевича

Научный руководитель
канд. полит. наук
Гукова И.Н.

БЕЛГОРОД 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

- Глава 1. СТАНОВЛЕНИЕ И ОСНОВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ И ЛИБЕРАЛЬНЫХ
ИДЕЙ
- § 1.1. Оформление социалистической политико-философской
концепции
- § 1.2. Становление классической доктрины
либерализма
- § 1.3. Сравнительный анализ социалистической и либеральной
политико-философских идей
- Глава 2. ВЗАИМОПРОНИКНОВЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИДЕЙ В
ЛИБЕРАЛЬНЫХ И СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЯХ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX
ВЕКА
- § 2.1. Заимствование теоретиками социализма классических
либеральных идей
- § 2.2. Привлечение традиционной социалистической идеологии в
либеральную доктрину
- Глава 3. РЕАЛИЗАЦИЯ ЛИБЕРАЛЬНЫХ И СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ
ПОЛИТИКО-ФИЛОСОФСКИХ ДОКТРИН ВО ВТОРОЙ
ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА
- § 3.1. Неолиберальная идеология в политике современных
стран
- § 3.2. Постмарксистские теории в актуальной политической
практике

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И
ЛИТЕРАТУРЫ

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования. Проблема симбиоза либеральных и социалистических политико-философских идей в настоящее время является актуальной для большинства западноевропейских стран, в которых наблюдается идеологический кризис, проявляющийся в том, что политико-философские концепции неолиберализма, социал-демократии и постмарксизма перестали отвечать вызовам текущих реалий и удовлетворять запросам общества. В связи с этим нам кажется важным рассмотрение истории становления и современного состояния классических либеральных и социалистических политико-философских идей устройства общества, их дальнейшей эволюции и симбиоза.

Степень научной разработанности проблемы. Выбранная нами тема пока не стала объектом широкого изучения в российской политической науке. В основном исследования сосредотачиваются вокруг вопросов апологетики левых идей, критики неолиберализма, анализа причин доминирования США в мировой политике. В современном политологическом дискурсе России нередко присутствуют эмоциональные оценки текущей политической ситуации, что приводит к необъективному рассмотрению современного политического процесса. В данной работе предпринята попытка с нейтральной позиции дать оценку эволюции и симбиоза классических либеральной и социалистической теорий и их практической реализации на современном этапе.

Изучением собственно симбиоза либеральных и социалистических идей занималось незначительное количество ученых и исследователей. В этом контексте были весьма полезны работы по неомарксизму таких специалистов как Б. Н. Бессонов, П. Готфрид, Ю. Н. Давыдов, А. Н. Дмитриев, Ю. А. Замошкин, Н. В. Мотрошилова, и неолиберализму – А. Я. Рубинштейн, А. Алессина, Ф. Джавацци, Л. М. Варгас, Д. Стедмен-Джоун [40; 46; 49; 50; 53; 68; 38; 45].

Дефицит специальной литературы по нашей проблематике побудил нас к привлечению трудов специалистов из смежных научных областей:

- из экономической науки заимствованы работы таких исследователей как Х. Уэрта Де Сото, Т. Бетелл, Р. С. Гринберг, К. Г. Макконелл, Л. фон Мизес; [76; 45; 47; 58; 14];

- из социологической науки – труды И. А. Михайлова, О. А. Жирнова, К. Болтона [61; 62; 51; 52; 42];

- из психологической науки: Я. Бороненкова, В. Райх [43; 66];

- из философской науки: М. Фуко, Ю. Н. Давыдов, И. Берлин, Ф. Фукуяма [30; 39; 49; 75].

Немаловажное значение для нашей работы оказали научные труды, посвященные изучению реализации в политике современных стран либеральных и социалистических идей: О. Н. Борох, Е. В. Грызунова, Н. К. Капитонова, С. Сераковский, Х. Веру [44; 48; 54; 84; 85].

Исследовательская проблема заключается в сложности анализа многофакторного процесса эволюции политико-философских теорий. Сложившийся во второй половине XX века идейный симбиоз либерализма и социализма, на уровне практической реализации этих модифицированных доктрин, приводит нас к констатации противоречия между декларируемыми в них ценностями и основными теориями классических либеральной и социалистической политико-философских идей.

Научная новизна работы заключается в предпринятой попытке рассмотреть эволюцию социалистической и либеральной доктрины второй половины XX века не только как автономное развитие теорий или результат адаптации к меняющимся историческим реалиям (как это принято в отечественной научной литературе), а через взаимовлияние и взаимообогащение социализма и либерализма как политико-философских идей (симбиоз).

Объектом данного исследования являются либеральная и социалистическая политико-философские доктрины.

Предметом работы является идейный симбиоз в ходе эволюции либеральной и социалистической политико-философских концепций со второй половины XX века.

Цель исследования – изучение симбиоза либеральных и социалистических идей во второй половине XX века и оценка их практического применения в политических системах западных стран.

В соответствии с целями, поставлены следующие задачи:

- Изучить процесс становления классической политико-философской доктрины либерализма и социализма
- Провести сравнительный анализ социалистической и либеральной политико-философской идеи.
- Выявить идеи, заимствованные теоретиками социализма из классических либеральных теорий.
- Проанализировать обстоятельства и результат привлечения традиционной социалистической идеологии в либеральную доктрину.
- Рассмотреть практическое применение социалистических доктрин во второй половине XX века.
- Оценить реализацию неолиберальной политической концепции в западном обществе.

Методология и методы исследования: описательный (констатация определенного спектра идей); системный анализ (всестороннее изучение научных доктрин с позиции их конкретных идей, ценностей и внутренних взаимосвязей), принцип историзма (изучение эволюции философских доктрин с учетом влияния на них конкретно-исторических условий), компаративный анализ (сравнение особенностей либеральной и социалистической доктрин), обобщение, историко-генетический (изучение идей и теорий, начиная с обстоятельств их возникновения, прослеживая весь процесс формирования и эволюции).

Эмпирической базой исследования выступили философские работы теоретиков классического либерализма (Джон Стюарт Милль [15], Джон Локк [10], Томас Гоббс [8], Иеремия Бентам [5, 6], Жан-Жак Руссо [21], Гамильтон А., Мэдисон Дж. и Джей Дж. [7]) и создателей социалистической доктрины: Томаса Мора [16], Анри де Сен-Симона [22, 23, 24], Роберта Оуэна [17, 18, 19],

Шарля Фурье [31, 32], Пьера Жозефа Прудона [20], Антонио Грамши [9], Карла Маркса [11], Фридриха Энгельса [35, 36].

Также стоит выделить труды идеологов неомарксизма (т.н. Франкфуртская школа): Теодора Адорно [1, 2, 3, 4], Макса Хоркхаймера [34], Герберта Маркузе [12, 13], Эриха Фромма [27, 28, 29], Юргена Хабермаса [33].

Структура выпускной квалификационной работы обусловлена поставленной целью и задачами исследования. Работа состоит из Введения, трех глав, содержащих семь параграфов, Заключения, Списка использованных источников и литературы.

ГЛАВА 1. СТАНОВЛЕНИЕ И ОСНОВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ И ЛИБЕРАЛЬНЫХ ИДЕЙ

1.1. Оформление социалистической политико-философской концепции

Социализм (socialism) — это политико-философская идея, в которой описывается отсутствие классового разделения общества, происходит обобществление собственности всех людей, труд становится коллективным и общеобязательным, экономика преобразуется в планово-директивную.

По определению испанского экономиста Хесуса Уэрто Де Сото: «Социализм – это система институциональной агрессии (вмешательства) против свободы человеческой деятельности или предпринимательства» [84, с.2].

Законченная концепция социалистического общества представлена в работах создателей утопического социализма на рубеже XVIII - начала XIX века Анри Сен-Симоном, Шарлем Фурье, Робертом Оуэном. Их труды содержали антикапиталистические, антирыночные идеи. Они полагали, что на смену капитализму, придет общество, обладающее следующими характеристиками: как общественная собственность на средства производства, обязательный труд, плановый характер экономики, отсутствие классов. В подобном обществе, где будут стремительно развиваться наука и искусство, восторжествует гуманизм, стимулом к труду станет потребность в нем человека и вызываемое ими наслаждение. Шарль Фурье развивает идею труда, предлагая соревнование людей в процессе трудовой деятельности. Критериями распределения продукта, по его мнению, будут выступать труд, капитал и талант [78, с.4].

Роберт Оуэн выдвинул принцип: от каждого по способностям, каждому - по труду. В соответствии с его взглядами, идеальное общество - это общество коммунизма, в котором распределение ресурсов организовано в соответствии с потребностями его членов [78, с.56]. В отличие от социалистических систем Анри Сен-Симона, Шарля Фурье переход к новому общественному строю у Ро-

берта Оуэна предусматривает исключительно мирные средства: коммунистическое общество отвечает интересам всех классов, соответственно, достичь его можно путем социальных реформ. Подобные преобразования можно совершить двумя путями: во-первых, через создание коммунистических общин за счет материальных ресурсов правительства и частных лиц; во-вторых, переход к коммунизму возможен через кооперацию.

Еще одним представителем законченной социалистической теории является Анри Сен-Симон (1760-1825). В своих основных трудах («Очерк науки о человеке», «Труд о всемирном тяготении», «О промышленной системе», «Катехизис промышленников» и др.) он развивает концепцию «социального физичизма» и «социальной физиологии» и приходит к важности создания “позитивной” науки об обществе, которая, как и естествознание, относится к категории точных наук[58, с.87].

По мнению Сен-Симона, подобная наука соответствует представлению об обществе как живом организме, который в своем развитии подчиняется объективным законам. Задача «позитивной» науки в познании этих законов, на основе которых можно осуществить сознательное совершенствование общества [58, с.43].

Основными задачами интеллектуальных усилий являются:

- 1) трансформировать науку о человеке в «позитивную» форму, допуская в ней методы естественных наук (физики);
- 2) сделать новую науку о человеке частью народного образования и сделать ее основным предметом образования.

Основные взгляды Сен-Симона подразделяются на две идеи – соответствие объективных законов развития природы законам развития общества, из чего вытекает представление о развитии человечества, как о социальном прогрессе.

Главной сложностью на пути преобразования общества Анри Сен-Симон видит процесс трансформации общей идеи, общей веры. Основная идея этого процесса – создание единого закона, способного управлять людьми и заменить

многие частные законы. Признавая авторитет естественнонаучного знания, философ призывает открыть или создать один универсальный закон общественного развития по аналогии с законом всемирного тяготения Исаака Ньютона. Подобный закон может создать новую религию взамен прежнего христианства, что позволит придать политике абсолютную ценность[59, с.10].

По мнению Сен-Симона, современная ему социальная организация нуждается в преобразованиях, потому что людьми управляют такие качества как насилие и хитрость, а человеческий род в целом отличается безнравственностью. Эти социальные проблемы побуждают Сен-Симона к проведению реформ.

Сен-Симон, став непосредственным свидетелем Французской революции, отмечал разрушительный характер любой революции, проистекающий из неразвитости разума, порожденный бедностью низших социальных слоев и их стремлением к равенству. Главная роль реорганизации общества – в согласовании «религиозной системы», скрепляющей общество, с «прогрессом науки»[58, с.20]. Идеальная задача Сен-Симона – создать такое общество, которое будет отвечать интересам наибольшего числа людей и сможет улучшить положение беднейших слоев населения.

Отметим, что идеи Сен-Симона стали базовыми для дальнейшего развития теорий организации и управления в развитии общества, предполагающего особую структуру управления, иерархический порядок и разделение управленческих функций.

Очевиден вклад Сен-Симона в формулирование содержания базовых для социальной философии понятий – «гражданское общество» и «государство», его заслуге принадлежат новые научные термины «индустриализация», «индустриальное (промышленное) общество».

Работы Фурье демонстрируют оригинальное явление в мире литературы общественных наук. Это не только научные тексты, но и необычные памфлеты. Как отмечает советский исследователь работ Шарля Фурье И. И. Зильберфарб, открытия Ньютона и Кеплера тоже излагались в очень странной, с нашей ны-

нешней точки зрения, форме, с рассуждениями об ангелах и библейских пророчествах [78, с.4].

Фурье предъявлял капитализму, который он называл “миром наыворот”, обвинительный акт. Изображая преступления капитализма, он не мог раскрыть его коренную причину, поскольку не имел ясного представления об экономических и производственных процессах и о социальной структуре рыночного общества. Как и Сен-Симон, Фурье считал предпринимателей и наемных рабочих одним трудовым классом. Отсюда следовала и инфантильная идеалистическая вера в возможности эволюционного преобразования общества с помощью разума [78, с.10].

Рыночное производство Фурье характеризует как асоциальное, разобщенное, раздробленное. Что он имел в виду? Суть рыночного производства — прибыль предпринимателя, а не удовлетворение потребностей общества. Из этого следует, что капитализм представляет противостояние интересов между индивидуальным предпринимателем и обществом. Конкуренция между предпринимателями не соответствует интересам общества, как утверждают экономисты, а разрушает его, создавая, таким образом, анархию производства, хаос и состояние перманентной войны всех против всех. Погоня за прибылью и конкуренция создают эксплуатацию наемных рабочих. Приводится пример Англии с масштабными фабриками, где за мизерную зарплату работают взрослые и дети, демонстрирует, куда идет капитализм. “Вот оно — вновь воскресшее рабство!” — указывает Фурье [78, с.49].

В росте разрыва между богатыми и бедными, Шарль Фурье видел особенное доказательство падения рыночной политэкономии с ее принципом свободы конкуренции. Труд, его организация и производительность — это то, что в конечном итоге, определяет устройство и рост благосостояния общества [78, с.5]. Осознавая это, Фурье создает ошеломляющую картину расхищения и порабощения человека труда при капитализме. В подобном обществе все, кто в состоянии что-то сделать, любыми правдами и неправдами избавляются от труда. Труд малого собственника — крестьянина, ремесленника, или предпринимате-

ля — это непрекращающаяся борьба с конкурентами, отсутствие обеспеченности, зависимость. Так же еще несравненно изнуряюще труд наемного рабочего, труд рабский и не способный создать удовлетворение человеку. С ростом производства, концентрацией и подчинением крупному капиталу труд становится все тяжелее. Фурье ощущал связь подобного характера труда с частной собственностью и ее капиталистической формой, но он не попытался осознать для себя эту связь. Стоит так же отметить, что Маркс и Энгельс считали взгляды Фурье на труд и идеи о полном изменении характера труда в футуристическом обществе одной из главных заслуг знаменитого утописта [78, с.10].

Фурье изобличает не только экономические проблемы капитализма, но также политику, мораль, культуру, систему воспитания. Очень много и дерзко он писал о том, как капитализм подавляет естественные, человеческие отношения между мужчиной и женщиной и ставит женщину в неравноправное, угнетенное положение перед мужчиной. Энгельс писал: “Ему первому принадлежит мысль, что в каждом данном обществе степень эмансипации женщины есть естественное мерило общей эмансипации”.

Как мы можем отметить, между цивилизацией и гармонизмом Фурье помещал два переходных периода, которые он называл гарантизм и социантизм. Он много раз указывал, что цель его заключается не в частных реформах строя цивилизации, а в деструкции этого строя и создании полностью нового общества. Но так как Фурье исключал революционный путь трансформации, он был согласен на компромисс и допускал, что людям цивилизации нужно более или менее длительное время для создания гармонии в обществе будущего строя [78, с.56].

Основные черты I переходного периода — гарантизма — он описывал следующим образом. Частная собственность в основном не видоизменяется, но подчиняется коллективным интересам. Создаются частичные ассоциации, объединяющие группы семей для совместного труда, а также питания, отдыха и т. д. В подобных ассоциациях труд постепенно отбрасывает черты капиталистического наемного труда. Экономическое неравенство остается, но при гаран-

тизме «богачи обладают полным и обеспеченным счастьем лишь соразмерно с гарантиями соответствующих средств к существованию и наслаждений для бедных каст» [78, с.20]. Конкуренция находится под контролем общества, она становится правдивой и простой. Предпринимаются огромные социальные работы. Как и многие утопии Фурье, гарантизм не требует больших изменений в политическом устройстве, он может начаться при абсолютной монархии и конституционной, при республике и в любом другом строе [78, с.36].

Шарль Фурье полагал, что в строе буржуазной цивилизации уже развились предпосылки гарантизма. Лишь заблуждения людей, и особенно воздействие буржуазных общественных наук, мешают переходу к новому общественному устройству. С другой стороны, гарантизм быстро убедит человечество в преимуществах нового общественного устройства и подготовит его к строю полной ассоциации.

На гарантизм Шарля Фурье можно посмотреть с другой стороны: как на систему социальных реформ, улучшающих капитализм. Тогда учение Фурье превращается в обычный реформизм, и идеи, предопределившие современные концепции буржуазного «государства благосостояния». Сам Фурье противился бы против подобного толкования его идей. Нужно заметить, что многие фурьеристы вели дело именно к этому [79, с.45].

В 30-х и в 40-х годах XIX в. фурьеризм стал главным социалистическим учением во Франции. Он оказался реальнее сен-симонизма, так как был лишен религиозно-сектантской формы и выдвигал более приземленные и реалистические идеалы, особенно в сфере производственно-потребительской кооперации по типу фаланги. Однако в области французского рабочего класса учение Шарля Фурье не имело широкой популярности и было в основном распространено среди интеллигенции.

Революция 1848 г. сподвигла фурьеристов к политической деятельности, где они заняли позиции, близкие к мелкобуржуазной демократии. Не поддержав народное восстание в июне, они через год попытались выйти против правительства Луи Бонапарта, но были быстро раздавлены. Оставшиеся во Фран-

ции фурьеристы позже стали заниматься кооперативной деятельностью. Роль фурьеризма была исторически исчерпана. Допуская, что Фурье, хотя и неосознанно, выражал интересы рабочих, то его идейные наследники опустились на позиции мелкой и средней буржуазии.

Сен-Симон оставил особенный общий эскиз будущего общественного строя, Фурье разрабатывал элементы с щепетильной детализацией. Обе утопии отличаются одна от другой по многим параметрам, но имеют важнейшую общую черту: они представляют социалистическое общество с ограничениями, из которых основным является сохранение частной собственности и нетрудового дохода. В обеих системах частная собственность должна радикально изменить свою природу и быть подчинена интересам коллектива, а нетрудовой доход приобрести черты трудового [58, с.34].

В нынешнее время утопии Сен-Симона и Фурье ценны каждая по-своему. У Сен-Симона и его последователей интересна идея центрально планируемой в масштабах страны экономики и системы управления ею на коллективных началах. У Шарля Фурье — анализ организации труда и жизни в отдельных ячейках социалистического общества.

Рассмотрим экономическую составляющую утопии Шарля Фурье. Фаланга Фурье — это производственно-потребительская кооперация, сочетающая в себе черты коммуны с чертами обычного акционерного общества. Число участников подобной кооперации Шарль Фурье описывал в разных работах от 1500 до 2000 человек [79, с.55]. Он думал, что в такой системе будет иметь место необходимый и достаточный набор человеческих характеров для оптимального распределения труда, как с точки зрения наклонностей людей, так и с точки зрения полезности. В фаланге совмещается сельскохозяйственное и промышленное производство с преимуществом первого. Промышленность описывалась Шарлем Фурье как группа относительно небольших, но высокопроизводительных мастерских. Фабричная система решительно отвергалась, как порождение строя буржуазной цивилизации [78, с.59].

Основной фонд средств производства, фаланга получает из взносов всех акционеров. Отсюда следует, что в ее состав должны будут входить капиталисты. И так же в фалангу принимаются бедняки, которые смогут на первоначальной основе и не быть акционерами, а составлять свой вклад трудом. Акции являются частной собственностью. В фаланге сохраняется имущественное неравенство. Однако стоит заметить, что капиталист, став членом фаланги, перестает быть капиталистом в старом смысле. Общая атмосфера созидательного труда вовлекает его в процесс непосредственного производства. Если капиталист обладает талантом руководителя, инженера, ученого, общество использует его труд в этом качестве. Если нет, он работает по своему выбору в любой бригаде. Но так как дети богатых и бедных воспитываются совместно, эти различия в последующих поколениях могут нивелироваться. Крупные акционеры имеют привилегии в управлении фалангой. Но они не могут иметь большинство в руководящих органах, роль этих органов весьма ограничена [60, с.59].

У Шарля Фурье особое внимание уделялось организации общественного труда. Негативные стороны в системе капиталистического разделения труда он хотел ликвидировать через постоянные переходы людей из одного вида труда к другому. Каждому члену общества будет гарантирован прожиточный минимум, вследствие чего труд перестанет быть вынужденным, а станет проявлением свободной жизнедеятельности. Возникнут совершенно новые стимулы к труду: соревновательность и общественное признание.

Благосостояние общества будет быстро расти, так как, вырастет производительность труда. Кроме того, ликвидируются те, кто будет паразитировать, и уходить от работы, работать будут все. Короче, фаланга избавится от массы издержек и непроизводительных затрат. Общество будущего по Фурье — это настоящее общество изобилия, а также социального здоровья, естественности, радости. Аскетизм, который связывался с представлениями о будущем обществе, был точно чужд Фурье [60, с.23].

В фаланге отсутствует наемный труд и эксплуатация. Распределение продуктов труда (в денежной форме) происходит путем выдачи особого вида дивиден-

дендов по труду, капиталу и таланту. Совокупный доход делится на три части: 5/12 дохода достается «самым активным участникам работы», 4/12— собственникам акций, 3/12— людям «теоретических и практических знаний» то есть интеллектуального труда. Исходя из того, к какой категории относится член фаланги, так и происходит выплата дивидендов. Так же оплата труда зависит от социальной полезности того или иного вида труда. Однако оплата обычного труда уравнивается с помощью участия человека в “трудовых сериях”: например, человек получает несколько меньше среднего как садовник, зато больше среднего — как конюх или свинарь [78, с.89].

При распределении фактическую долю труда рассчитывали несколько увеличить, при помощи введения дифференцированного дивиденда на акции разного типа. Для «рабочих акций», которые приобретаются в ограниченном количестве из малых сбережений, Шарль Фурье предлагал выдавать более высокий дивиденд, для капиталистов стандартных акций — более низкий. С помощью этих методов Шарль Фурье старался соединить свой принцип неравенства, стимулирующего, по его мнению, быстрое развитие и процветание общества, совместно с идеями всеобщего благосостояния и приоритета трудовых доходов. Шарль Фурье не хотел уничтожить частную собственность, но хотел сделать всех собственниками и лишить эксплуататорского характера труда. Он верил, что подобным путем быстро уйдут классовые антагонизмы, классы станут едиными [78, с.85].

Все денежные доходы участников фаланги будет реализовываться через потребительские кооперации. Кооперация, выступающая от лица фаланги, приведет торговлю с другими фалангами. Коллективные арбитры будут устанавливать цены, по которым будут продаваться товары в розницу.

Основной задачей общества будущего Фурье представлял как разумную организацию потребления. И тут перед ним появилась нелегкая задача, как совместить неравенство с коллективизмом. Эту задачу он попытался разрешить, через отказ от домашнего хозяйства и заменить его общественным питанием и обслуживанием, организованный через несколько разрядов в соответ-

ствии с доходами членов. Индивидуальное богатство станет бессмысленным и смешным, на смену придет роскошь общественных праздников и общественной архитектуры. По его мнению, это поможет смягчить неравенство потребления. Например, богатые члены будут иметь в недвижимости не больше трех комнат. Не малое место в утопии Фурье уделяется вопросу о формировании самого нового человека общества будущего, его психологии поведения, морали и этики. Не меньше сотни страниц сочинений утописта посвящены отношениям между мужчиной и женщиной, воспитанию детей, организации досуга, роли искусства и науки в общественной жизни [78, с.55].

Менее подробно рассматривалось у Фурье общество как объединение многих фаланг. Он почти игнорировал вопрос устройства государственной власти, это дало повод анархистам принять для себя некоторые его идеи. Тем не менее, фаланги у Фурье существуют в процессе интенсивного хозяйственного общения и обмена: между ними происходит широкое разделение труда.

Система Шарля Фурье имеет множество противоречий и недочетов. С точки зрения экономики многие вопросы остаются нераскрытыми, хотя Фурье и стремился все распланировать и регламентировать. Не описывается, каков будет характер товарно-денежных отношений? Как будет происходить обмен плодами труда? Если здесь отсутствует система купли-продажи, а присутствует только централизованный учет, то зачем нужна товарная биржа, которую он описывает в своих работах?

Не понятно, как будут создаваться фонды общественного потребления, так как они должны играть немаловажную роль в жизни нового общества (школы, театры, библиотеки и т.п.). Так же создается ощущение, что в фаланге не имеет места быть налоговые отчисления. У Фурье есть скромный намек, что богатые члены будут много жертвовать на общественные нужды.

Немаловажный вопрос о накоплении и его социальных аспектах. Так как не предусматривается налоговых отчислений из совокупного дохода на капиталовложения, фонд накопления, возможно, будет складываться из индивидуальных сбережений, это может быть иметь форму покупки акций. Так же капита-

листы с помощью своих высоких доходов могут сберегать гораздо больше капитала, чем остальные члены фаланги. Следовательно, будет действовать тенденция к концентрации капитала и дохода.

Реформаторская идеология Роберта Оуэна пронизана критикой капиталистической системы. Констатация недостатков капиталистической социально-экономической системы, пришедшей на смену традиционному укладу, приводит Оуэна к идее создания нового общественного порядка. Оуэн дает характеристики капитализму как «хаотический», «противоречивый» строй, «неразумная» система, создающая бедность и невежество [47, с.5].

Применение машинного производства создало невиданный уровень богатства для людей. Он считал, что неудовлетворительное распределение богатства между людьми не восполнилось развитием машинного производства. Вследствие развития капитализма, по его мнению, стало ухудшение условий труда и условий жизни рабочих, также рост безработицы в Великобритании в начале XIX века.

Согласно Роберту Оуэну, главным негативным свойством развития капиталистической системы, является разъединение людей и индивидуализм в обществе. «Человек, живущий в таких условиях, видит все окружающее как бы набегу, из дорожного дилижанса, и, стремясь к индивидуальному обогащению, пренебрегает самим собой, своим благополучием, своими потребностями и даже страданиями, если не считать унижительной системы приходской благотворительности, которая пригодна только для того, чтобы делать сердце человека нечувствительным к страданиям его собратьев или формировать тиранов и рабов. Сегодня человек работает на одного хозяина, завтра — на второго, затем — на третьего и четвертого, пока все связи между предпринимателями и наемными рабочими не низведутся к простому соображению о непосредственной выгоде, которую можно извлечь из другого человека» [48, с.55-60]. «Приобретение богатства и создаваемое им естественное стремление к увеличению этого богатства... создали склонность приносить в жертву этой страсти к накоплению лучшие чувства человеческой природы» [49, с.50].

Одна из основных идей у Роберта Оуэна заключается в том, что «настоящее счастье одного человека возможно только при благополучии всех остальных людей и единстве общества» [47, с.5]. Оуэн требует объединения всех людей для коллективной работы. «Мы наблюдали в делах человечества, что люди производительны в своей деятельности, продуктивны в работе и счастливы в общественной жизни только тогда, когда они действуют совместно и объединено» [47, с.6]. Роберт Оуэн выступает противником индивидуализма и конкуренции, лежащих в основе рыночной экономики.

Согласно воззрениям Роберта Оуэна, «из принципа личной заинтересованности возникли все виды разделения человечества, бесчисленные ошибки и бедствия, создаваемые классами, сектами и партиями, национальная вражда, которая вызывает взаимное озлобление и дурные страсти... Самая ложная из всех кабинетных теорий заключается в представлении, что личная заинтересованность, как ее сейчас понимают, представляет более благоприятное начало для построения общественной системы в интересах, как целого, так и каждого в отдельности, чем принцип единства и взаимного содействия» [47, с.23]. Поэтому, одна из важных задач, согласно Роберту Оуэну, заключается в борьбе со всеми теми явлениями, которые разделяют людей.

Одной из отличных черт философий от других идейных течений, у Роберта Оуэна является социальный детерминизм. В основе его мировоззрения лежит убеждение, что человек является продуктом воспитания, а также условий жизни. Говоря о создании «науки об обстоятельствах» - науки, которая призвана, будет изучить влияние социальной среды на характер и поведение человека, Роберт Оуэн может считаться первопроходцем социологии [47, с.30].

Оуэн пишет о «всесокрушающем влиянии системы», она создает характер, направляет поведение людей. Так, например, озлобленность, невежество, лень, пьянство, которые распространены среди рабочих, обусловлены их воспитанием, а также социальными условиями, в которые они поставлены. По мнению Роберта Оуэна, человек не обладает собственной волей, если изменить условия жизни и труда, наладить систему воспитания детей, тогда можно будет решить

проблемы общества и добиться благополучия и счастья для каждого человека. «Человеку можно сформировать характер, какой он должен иметь в интересах и для благополучия всех» [48, с.10].

Таким образом, по Оуэну, все негативные явления присущие британскому обществу XIX века, это не ответственность отдельных членов, или политиков, а проблема системы [48, с.12]. Осознание роли формирования характера человека в социально-экономической системе, понимание роли в формировании взаимоотношений между людьми в обществе и использование этого знания для создания новой общественной системы позволит, наконец, избавиться от человеческих страданий и достигнуть всеобщего благосостояния, а также счастья для каждого человека в отдельности.

Одним из важных направлений политической мысли Роберта Оуэна является критика существующего социально-экономического устройства. Он полагал, что она будет являться стимулом для проведения мотивированными гражданами социально-экономических преобразований. Только выявление и понимание существенных недостатков устоявшейся системы, позволит, по мнению Оуэна, убедить людей в необходимости приложить усилия для трансформации устаревшей социально-экономической системы. В итоге Оуэн приходит к заключению о потребности социально-экономического устройства общества в глобальных преобразованиях.

Нужно отметить, что Роберт Оуэн как сторонник радикальных общественных преобразований, выступал против агрессивных способов трансформации политического устройства государства. По его мнению, изменения должны происходить исключительно мирно, поступательно, затрагивая глубинные основы устройства общества. По итогам преобразований возникнет новая система социальной организации. Роберт Оуэн хотел, чтобы преобразования были реализованы не только с инициативой государственной власти, но и через непосредственное участие всех членов общества. Основопологающей единицей нового общества, по Оуэну, должна быть община, построенная на фундаменте кооперации (от 800 до 1500 человек). Будущее общество представлялось Робер-

ту Оуэну в виде нескольких общин, живущих по принципу самоорганизации и составляющих федерацию. В обновленной социальной структуре будет предусматриваться коллективное владение собственностью, коллективно устроенный труд и свободное время [49, с.30].

Первое время для создания новой системы устройства общества предстояло, как полагал Роберт Оуэн, создать поселения для коопераций люмпена, где бы он работал без капиталистического найма. Подобная организация социума позволит искоренить бедность и безработицу [49, с.50].

Роберт Оуэн обращался напрямую к широкой публике. В выступлениях, происходивших в Лондоне в 1817 г. при собрании большого количества народа, он излагал свои программы социальных преобразований. Но, увы, он не нашел понимания.

Были и влиятельные люди, находившие интересными планы Роберта Оуэна, но усилия социального реформатора были напрасны. В 1819 г. он создал комитет для сбора средств для социального эксперимента по созданию трудовых поселков для бедных, участниками комитета помимо герцога Кентона входил, в частности, Давид Риккардо. Удалось собрать лишь малую часть от требовавшихся средств, идея так же провалилась.

Не получив большой поддержки в кругах британского общества, Роберт Оуэн надумал вместе со своими идейными приверженцами создать новую трудовую общину в Америке. Здесь, опять же, его ждал провал.

Провалы в работе при создании нового социально-экономического устройства вместо капитализма, вынудили Оуэна обратить внимание к воплощению новых социально-экономических механизмов в рамках существующей капиталистической системы для трансформации ее изнутри [48, с.23].

Прибыль, как думал Оуэн, является основной проблемой капитализма. По Оуэну, прибыль, является дополнением к цене продукта, не позволяет пролетариям приобрести продукт своего труда. Роберт Оуэн создает биржу труда с помощью, которой, он желает уничтожить прибыль и эксплуатацию труда. Кооперативное общество с общим складом, куда мог прийти каждый член биржи с

продуктом своего труда и получить за него цену в бонах труда - цену, исчисленную по количеству часов труда, которое пошло на производство его продукта и которое член общества указывал сам. Эта продукция сохранялась на складе с указанной ценой и отпускалась в распоряжение членов биржи, которые хотели ее приобрести. С помощью этого любой рабочий, который потратил несколько часов труда на изготовление любого товара, мог бы получить любой товар, стоящий пропорционально часам труда. Труд, по его задумке, должен был стать настоящим мерилom ценности товара [48, с.23].

Первое время у биржи был очень успех; первую неделю было доставлено более чем на 10 000 фунтов стерлингов товара. Однако начались затруднения. Купцы покупали на бирже все, что имело высокую ценность для них и поставляли на биржу устаревшие товары. Со временем на бирже труда оставались товары, которые не имели надежды на сбыт. Оценка товаров по часам труда постоянно порождала споры и недопонимание. С увеличением предложения на бирже никому не нужных товаров, трудовые бонны теряли свою ценность, так биржа кончила банкротством [49, с.29].

Биржа труда создавалась, чтобы уничтожить ценностный консенсус, в основе которого было рыночное определение цен, взамен на другой консенсус, в основу которого ложилась добрая воля производителей. Честность была главным условием его успешного функционирования, так как цены на продукцию устанавливались при помощи заявлений участников о количестве труда, которые они вложили в создание продукта. Таким образом, консенсус, основанный на морали, должен был заменить консенсус, основанный на договорных отношениях. Успешная работа биржи труда в рамках рыночной системы оказалась невозможна из-за отсутствия “правильных” моральных принципов участников. Наличие нужных моральных принципов делает создание экономических механизмов, таких как биржа труда основанных на морали, для радикального улучшения моральных принципов людей бессмысленным, так как участники уже не нуждаются в радикальном совершенствовании [47, с.23].

Данное противоречие лежит в корне провалов социальных инициатив Оуэна. Желая изменить природу людей, он предлагал новое социально-экономическое устройство, но на практике он не увидел, что общество и так функционирует по устоявшимся законам.

Слабая сторона теории Роберта Оуэна заключалась в том, что он опирался при строительстве новой системы на людей старой моральной матрицы. Он не мог понять, что для создания его нового общества, нужно изменить саму природу человека, которую он не в силах был изменить.

Социальные структуры обладают большой силой инерции. Усилия отдельных членов общества, даже самых уникальных или имеющих абсолютную политическую власть не смогут быстро изменить их. Укоренившиеся социальные институты имеют уникальную способность выживать.

Роберт Оуэн, был одним из основоположников социализма, который внес большой интеллектуальный вклад в идеи реформирования социально-экономической системы – капитализма.

Теория научного коммунизма Карла Маркса и Фридриха Энгельса не стала чем-то большим, чем утопией. Они указали на силу, которая сможет привести к социализму - пролетариат, и так же на путь трансформации общества - пролетарскую социалистическую революцию. Решение проблемы, поставленной еще Томасом Мором, виделось в высокой сознательности пролетариата, который идеализируется марксистами. Отсюда можно увидеть, что отсутствует научная теория социализма, то есть целостная теория общества, возможность существования которого научно не доказана [39, с.34].

Теория «научного» социализма апеллирует к иррациональности и чувствам, но не к рациональности и разуму, а потому воспринималась слоями населения, которые чаще надеяться на лидера, вождя, мессию, а не на себя. В данной теории доминирует мессианский элемент. «Идея социализма, - писал Людвиг фон Мизес, - одновременно, и грандиозна, и проста. Действительно, можно сказать, что идея социализма - одна из самых честолюбивых порождений человеческого духа... Она настолько великолепна и дерзка, что вызвала ве-

личайшее заблуждение в обществе. Мы не вправе небрежно отбросить и забыть социализм в сторону, а должны опровергать его, если желаем спасти мир от варварства» [43, с.29].

С экономической точки зрения, а, следовательно, и с любой другой, социализм неосуществим, так не имеет средств для калькуляционного расчета, а поэтому утопичен, эта идея ведет общество к хаосу, разрушению, регрессу. Когда-то в «Манифесте Коммунистической партии» Карл Маркс и Фридрих Энгельс описали главное условие социального прогресса: «свободное развитие каждого является условием свободного развития всех» [88, с.10]. Они думали, что при социализме данный принцип будет осуществлен в полной мере. По этой идеи, по мнению марксистов, произойдет интеллектуальный взрыв, сильно ускорится развитие производительных сил и будет достигнута высшая, против капитализма, производительность труда, высочайший уровень благосостояния народа (все богатства польются полным потоком). «Люди, - писал Ф. Энгельс, - ставшие, наконец, господами своего собственного общественного бытия, становятся вследствие этого господами природы, господами самих себя – свободными» [88, с.45].

Реальный опыт показал, что любое государство, вставшее на социалистический путь развития, не подтвердит этих прогнозов. Дело ни в отсутствии времени, ни в неопытности вождей, ни в отсталости народа к новому способу жизни, а в невозможности достичь поставленных целей с помощью предложенных средств, с помощью насилия и закабаления. В этом состоит главное противоречие социалистической теории. Экономика социализма построена на трех принципах: общественная собственность (государственная собственность), плановое централизованное хозяйство, трудовая теория стоимости [35, с.12].

Общественная собственность есть государственная. В ней исчезает собственник/хозяин, следовательно, никто не несет ответственности за собственность, происходит полная демотивация человека заниматься хозяйственной деятельностью, личная выгода и личный интерес заменяется насили-

ем, принуждением. Отличительная особенность общественной/государственной собственности – все владеют всем и одновременно ничем.

Главная черта общественной/государственной собственности – ничейность, всем управляет чиновник, но который тоже не является полноправным хозяином. Следовательно, возникают проблемы, как бюрократизм, некомпетентность, расточительность, правовой нигилизм.

Плановая экономическая деятельность — не что иное, как иллюзия. Плановая экономика возможна при решении трех задач: 1) ранжирование потребностей (субъективная оценка человеком собственных потребностей); 2) точного знания будущего – полная предопределённость будущих действий людей и возможность предсказать непреднамеренные последствия окружающей человека среды и действий человека; 3) возможности в короткие сроки увязать всех производителей между собой, рассчитать все связи между ними в натуре, ассортименте, в реальном режиме времени, из этого следует невозможность калькуляционного расчета. Легко доказать, что все эти три задачи не имеют решения. Плановая экономика убивает в человеке инициативу, ведь у человека отсутствует стимул к деятельности, так как он не видит пользы для самого себя. Плановая экономика - это экономика казарменного типа, экономика перманентного дефицита, это производство ради производства, а не человека для человека [82, с.10].

Трудовая стоимость возможна только там, где можно измерить не затраты рабочей силы или рабочего времени, а трудовой вклад, что невозможно в принципе, так как не учитывается субъективная ценность благ для каждого отдельного человека и рассеянность информации о тех или иных благах, которые можно использовать в производстве товара, и востребованность чтобы сбыть его на рынке. Предполагается, при прочих равных, что труд каждого члена общества с самого начала до реализации продукции является непосредственно всеобщим трудом. Классики марксизма, сформулировали этот принцип, при попытке переложить его на язык практики подменяли распределение по труду уравнительным распределением [82, с.23].

Следовательно, социалистическая теория внутренне противоречива и практически неосуществима. На практике во всех странах социалистического типа произошло восстановление рыночной формы общества, но в интервенционистской модели, предполагающей диктатуру, насилие, бесправие или ограничение прав собственников, застой, леность.

Итак, основные положения социалистической доктрины заключаются в следующем:

1. Стремление к ликвидации классового разделения общества
2. Обобществление (экспроприация) собственности всех людей
3. Всеобщая трудовая занятость населения
4. Физическое уничтожение людей по классовым, религиозным признакам
5. Директивно-плановая экономическая модель
6. Социальная революция как двигатель прогресса.

Проблемные места социалистической доктрины:

1. Условное разделение общества на классы не учитывает реального положения вещей в обществе (ведь рабочий с предприятия может одновременно заниматься производством и торговлей, как предприниматель).
2. Обобществление собственности влечет за собой дезорганизацию общественной жизни, вызванной отсутствием стимулов к трудовой деятельности и незаинтересованностью ее результатами.
3. Всеобщая трудовая занятость подразумевает вовлечение всех людей в деятельность, обоснованную государственными интересами, но без учета экономических потребностей самих людей: труд ради труда, производство ради производства.
4. Планово-директивная экономика предусматривает тотальное государственное планирование хозяйственной деятельности людей, тем самым выводит из правовых рамок (криминализируя) любую альтернативную предпринимательскую деятельность.

5. Не всякие революции ведут к экономическому прогрессу, так как революции направляются идеями, которые либо ведут к утверждению частной собственности, либо – к уничтожению.

1.2 Становление классической доктрины либерализма

Такое понятие как «либерализм» появилось в западно-европейской литературе в начале XIX века. Семантическое значение слова Liberalism восходит к латинскому liberalis (свобода, лично свободный). Существует мнение, что корни либерализма находятся в труде Аристотеля «Политика», в котором рассматривался вопрос о «конституционном правительстве, склонном к демократии». Понятие «либерализм» широко распространено в экономической и политической научной литературе, но одновременно у этого понятия нет точного, общепризнанного содержания.

Истоки либеральной идеологии восходят к христианству, Ренессансу и ньютоновской научной революции. Классический либерализм неразрывно связан с капитализмом – то есть с экономической системой, основанной на праве частной собственности и свободной торговле. Основные постулаты капитализма сложились в борьбе против монархического абсолютизма и произвола власти церкви. Купцы, владельцы малых предприятий нуждались в экономической свободе, институтах, которые защищали их собственность от государственной власти [81, с.23].

Кульминацией борьбы за экономическую свободу принято считать «славную» революцию 1688 г. в Англии. Эту революцию поддерживал крупнейший философ XVII века. Джон Локк, он оказал крупное влияние на становление либеральной политико-философской мысли.

В теории «естественных прав», которую он создал, рассматриваются такие права как: право на жизнь, свободу и частную собственность. На становление либеральной идеи так же повлияла протестантская этика: религиозная доктрина о добродетельности труда, необходимости работать добросовестно и усерд-

но утвердилась в ходе Реформации. Она нацеливает людей на достижение своих целей, а богатство рассматривается как вознаграждение за усердный труд [79, с.98].

В работе социолога Макса Вебера «Протестантская этика и дух капитализма» (1904-1905), проводится анализ духовно-нравственных основ становления либерализма и капитализма.

Как ранее говорилось, либеральное мировоззрение восходит к Ренессансу и Реформации. Главные теоретические постулаты описаны в работах Джона Локка, Шарля Монтескье, Томаса Джефферсона, Джеймса Мэдисона, Иммануила Канта, Адама Смита и других мыслителей. В XIX веке «либерализм» развивали такие авторы как Иеремия Бентам, Джон Милль, Алексис де Токвиль.

Джон Локк (1632-1704) впервые разделил понятие «личность», «общество» и «государство», поставил личность выше общества и государства. Государство в его теории рассматривалось как инструмент для обеспечения и защиты свобод и прав граждан. Народный суверенитет, согласно Джону Локку, выше суверенитета создаваемого государственной властью. Если власть нарушает общественный договор и становится непопулярной в глазах народного большинства, то граждане имеют право на восстание для восстановления прав и свобод [34, с.230].

Шарль Монтескье (1689-1755) знаменит двумя основными идеями. Первая - это теория разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную. Потребность в разделении властей выводилась из греховной природы человека, его склонности к злоупотреблению властью. Ветви власти должны сдерживать полномочия друг друга, предотвращая произвол.

Вторая - это анализ факторов, определяющих «образ правления». В его работе «О духе законов» описывается идея географической детерминированности развития социума, зависимости нравственного облика народа и характер законов от физических факторов - климата, почва, рельеф местности, величина территории. Большое внимание уделял Монтескье и обратному влиянию фактора

политики, а именно формы государственности, на географическую среду [81, с.90].

Так же важно рассмотреть либеральное интеллектуальное наследие американских авторов. Идеи американских мыслителей Франклина (1706-1790), Джона Адамса (1735-1826), Томаса Джефферсона (1743-1826), Джеймса Мэдисона (1751-1836), Александра Гамильтона (1755 или 1757-1804) формировались под воздействием войны за независимость Штатов, а потом уже закрепились в конституции США.

Важнейшими положениями были: право людей на вооруженную самооборону, неотчуждаемое право частной собственности, стремление к счастью, к самоопределению и независимому существованию, право сменять правительство через выборы или восстание, если правительство становится тираническим и т. д [20, с.43].

Большой вклад в оформление идеологии либерализма внесли немецкие мыслители Иммануил Кант (1724-1804) и Георг Гегель (1770-1831). Иммануил Кант отстаивал идею автономии личности. Главным принципом его политико-философской теории является положение об абсолютной ценности каждого человека и недопустимости превращения его в орудие достижения чьих-то целей. Этот нравственный принцип он назвал «категорическим императивом» и считал, что им должны руководствоваться все люди [33, с.56].

Иммануил Кант был сторонником теории договора между гражданами и государством, разрабатывал идеи правового ограничения полномочий государственной власти. Политика рассматривалась как гармония цели и средств.

Заслуга разработки и разграничения категорий «гражданское общество» и «правовое государство», принадлежат Георгу Гегелю. Им созданы основы теории групповых интересов, которые он рассматривал как фундамент гражданского общества.

Развитие идей либерализма получили в работах французского ученого Алексиса де Токвиля (1805-1859), англичан Иеремии Бентама (1748-1832) и Джона Стюарта Милля (1806-1873).

Алексис де Токвиль разработал теорию и историю демократии. В своей книге «О демократии в Америке» он описал, что демократия, приходящая на смену аристократии, имеет способность обеспечить максимум свободы и возможностей для развития личности, для роста благосостояния большинства людей [37, с.23].

В то же время Алексис де Токвиль описал противоречия в процессе становления демократии, выявил негативные последствия: во-первых демократия не гарантирует народу самое мудрое правительство, во-вторых, создается опасность тирании большинства или популизма.

По мнению либералов XIX века капитализм способствовал не только расширению свободы, но и усилению эксплуатации рабочих. Отсюда либеральная мысль стала больше концентрировать внимание на социальные проблемы, на принцип пользы с целью достижения счастья.

Иеремия Бентам - идеолог английской либеральной буржуазии, создал теорию утилитаризма и с ее помощью обосновывал программу демократизации политических и правовых институтов. Главная задача государства, по Бентаму, состоит в том, чтобы на основе принципа пользы обеспечить «наибольшее счастье для наибольшего числа людей». Эта цель может быть достигнута благодаря конкуренции и рыночной инициативе, невмешательству государства в экономический процесс и демократизации государственно-правовых институтов [11, с.90].

Идеи либерализма Нового времени описаны в политическом учении Джона Стюарта Милля - английского утилитариста и яркого сторонника равноправия. Согласно Миллю, либеральные свободы – это, во-первых, свобода мысли и мнений, во-вторых, свобода действия сообща с другими, в-третьих, свобода выбора цели жизни. Он предполагал, что угроза свободе индивида исходит как от тирании государства, так и от тирании общества и общественного мнения [43, с.65].

Подобно Алексису де Токвилю, Милль искал возможные варианты преодоления тирании большинства. Чтобы предотвратить количественное домини-

рование невежд над образованными гражданами, он предлагал создать избирательную систему, которая создаст отдельные избирательные округа для последних.

Важное место в рассуждениях Дж. Милля занимал вопрос о роли государства. Этому институту не достаточно исполнять функции обеспечения безопасности граждан, а кроме этого следует прилагать усилия для того, чтобы его подданные постепенно становились добрыми и просвещенными. Единственная форма правления, наиболее эффективно отвечающая запросу на обеспечение социальных потребностей граждан – это правление с возможностью участия в нем всех людей. Будущее общества Дж. Милль представлял в виде кооперативов производителей, с преобладанием частной собственности, но с отсутствием ее явных недостатков [43, с.101].

Итак, классическая парадигма либеральной теории включает в себя идеи о приоритете личностных интересов, о ее свободе от групповых, классовых и национальных ограничений, идеи космополитизма, гуманизма, прогресса, демократизма.

В политической области либерализм базируется на обеспечении прав, достоинства человека и его свободы выбора, разделении ветвей властей, приверженности к парламентаризму, верховенстве закона, расширении практики плебисцитарной демократии, создании условий для конкуренции, компромиссе и консенсусе в решении политических проблем. Все перечисленные идеи составляют концепцию правового государства.

В сфере экономики сторонники классического либерализма выступали за ликвидацию ограничений со стороны государства, отмену регламентирующих законов, свободу деятельности, режим наибольших преференций для частного предпринимательства.

Ключевые идеи либеральной теории с учетом меняющихся исторических условий постепенно совершенствуются, единственно стабильной остается ценность индивидуальной свободы. Очевидно, что либерализм, как постепенно эволюционирующую систему, сложно признать догматичной. Как справедливо

заметил один из авторитетных либеральных философов Л. фон Мизес, «либерализм – это не законченная доктрина или застывшая догма. Наоборот, он является приложением учений наук к общественной жизни человека. И так же как экономическая наука, социология и философия не стояли на месте со времен Дэвида Юма, Адама Смита, Давида Рикардо, Иеремии Бентама и Вильгельма Гумбольдта, доктрина либерализма сегодня отличается от того, чем она была в их эпоху, хотя ее фундаментальные принципы остались неизменными» [42, с.14].

В отличие от государств Европы, где либерально-буржуазные ценности приживались со сложностями, борясь с феодально-аристократической традицией, в США особых препятствий для их утверждения не было. Благоприятные условия диктовались широкой социальной базой, представленной торгово-промышленной буржуазией и фермерством, что, в свою очередь позволило государствам американского континента вырваться в лидеры капиталистического развития.

Итак, основные положения либеральной социально-политической идеи заключаются в следующем:

1. Приоритет человека и его естественных неотчуждаемых прав по отношению к государству.
2. Верховенство частной собственности человека и условия для ее защиты самим владельцем в судебных инстанциях.
3. Доминирование идеи индивидуализма над коллективистскими ценностями.
4. Преимущество рыночных хозяйственных отношений над централизованным директивным планированием.
5. Государство выступает гарантом прав и свобод граждан.

1.3. Сравнительный анализ социалистической и либеральной политико-философской идей

Рассмотрение социалистических и либеральных политических концепций позволяет сопоставить основные их идеи.

И социализм, и либерализм апеллируют к категории свободы, понимая схожим образом и ценность жизни, и стремление человека к счастью, и многие нравственные установки. Различия наблюдаются в идейно-ценностном понимании: социализм исходит из понятия позитивной свободы (от нужды, от эксплуатации и т.д.), а либерализм апеллирует к негативной свободе (принципы ненасилия, невмешательства в частную жизнь и т.д.).

В социалистической доктрине у понятия свободы в большей степени присутствовал метафизический контекст. Оно было связано с идеей мессианства рабочего класса, которому отводилась роль освобождения человеческого общества от эксплуатации капитала и построения «царства свободы» на основе диктатуры пролетариата.

Уязвимой стороной либеральной идеологии представляется концепция свободы человека. В результате ее реализации социальные обстоятельства вызывают неравенство людей. Это противоречивое следствие позволило социалистической идеологии провозгласить своей целью установление в обществе равенства и справедливости. В реальности же все проекты уравнительного социализма неизбежно вели к ограничению индивидуальной свободы: все равны, но не свободны [68, с.12].

Таким образом, в обиходных представлениях либерализм выступает за свободу, пренебрегая равенством, а социализм – за равенство в ущерб свободе. Противостоящие друг другу либеральная и социалистическая идеи, тем не менее, связаны между собой: и та, и другая доктрины апеллируют к свободе человека как к высшей ценности [70, с.67].

Серьезные отличия рассматриваемых социально-политических концепций наблюдаются и в представлениях об источнике и гаранте поддержания равен-

ства. В социализме обеспечение равенства является прерогативой государства, реализующего свою распределительную функцию. В либерализме идея равенства присутствует исключительно перед правом и законом и Богом.

Одним из значимых проявлений свободы в либерализме считается право на частную собственность и на осуществление предпринимательской деятельности без вмешательства государства. Политическая свобода для личности выступает как вторичная по отношению к экономической. В социализме понимание свободы не соотносится напрямую с индивидом, а имеет отношение к категории «общественного блага».

Идеальное общество, согласно либеральному учению, построено на принципах верховенства права, равенства всех перед законом, ограничении полномочий правительства, его ответственности перед гражданами. Именно либерализм уничтожил теологическую теорию возникновения власти и обосновал, что государственная власть существует исключительно для обеспечения интересов и защиты прав граждан.

Идеальное общество в социализме свободно от эксплуатации человека человеком и построено на идеях социального равенства и справедливости. Такое общество можно построить посредством замены частной собственности ее коллективными формами, устранения эксплуатации человека человеком, снижения проявлений социального неравенства и создания условий для гармоничного развития каждой личности. На практике социалистическим ценностям соответствует государство, полностью контролирующее экономику - т.н. командно-административная система.

Принципиальные различия у социализма и либерализма наблюдаются по отношению к регулированию жизни людей. Приверженцы левых идей выступают за дирижизм, социальный инжиниринг, обосновывая использование этих технологий интересами общества, государства, класса, нации и проч.

Многие цитаты классиков социализма очень похожи на идеи, традиционно приписываемые либеральным теориям: «Всякий раз, когда под вопрос ставится та или другая свобода, тем самым ставится под вопрос и свобода вообще»,

«свободное развитие каждого является условием свободного развития всех»; «нет прав без обязанностей, нет обязанностей без прав», «свобода состоит в том, чтобы превратить государство из органа, стоящего над обществом, в орган, этому обществу всецело подчиненный» [69, с.103]. Примечательно, что идеи социализма, рассчитанные на обеспечение интересов рабочих, родились в интеллектуальной среде представителей буржуазии.

В социалистической идеологии наблюдается нетерпимое отношение ко всякого рода инакомыслию за счет избличения оппонента как «пособника буржуазии». В либерализме же плюрализм мнений, столкновение и конкуренция идей являются одним из проявлений человеческой свободы.

В критике идей либерализма сторонники социалистических идей апеллируют к тому, что либерализм поставлен на службу интересам высшего класса общества, что в корне противоречит взглядам либералов на общество как бесклассовую систему.

Кардинально различия между двумя изучаемыми политическими идеями наблюдаются по отношению к индивидуализму и коллективизму: если ценность индивидуализма естественна и понятна для человека (стремление к улучшению собственных жизненных условий, собственные представления о счастье и целях жизни), то коллективизм сложно обосновать научно: если допустить существование реального противоречия между интересами индивида и общества, можно прийти к заключению о невозможности добровольной кооперации и сотрудничества между людьми.

В социалистической идеологии, настаивающей на приоритете коллективизма, индивидуализм как источник к мотивированной предпринимательской деятельности приобретает негативное звучание и становится тождественным эгоизму и своекорыстию. Личности отводится более «высокое» предназначение, которому соответствуют идеалы социального равенства и справедливости. Подчеркнем, что достижение равенства приобрело, буквальные черты и выделось в фактическом уравнивании имущества, возможностей, стартовых условий для деятельности. Возможности для участия в политической жизни граждан

также были унифицированными и весьма ограниченными. Все проявления, не соответствующие предлагаемым усредненным стандартам, объявлялись подозрительными и подлежали ликвидации. Либерализм, в свою очередь, предполагает создание для граждан условий для всесторонней реализации их возможностей, преимущественно в сфере экономических отношений, другие же сферы человеческой жизнедеятельности оставались свободными от навязчивого государственного контроля [68, с.23].

Разнонаправленное отношение у социализма и либерализма к праву и закону – либерализм подразумевает рождение права из обычаев и традиций, постоянного взаимодействия людей, так называемое прецедентное право. Социализм же рассматривает право и закон через позитивистско-легалистскую призму, то есть право и закон исходит только от государственного бюрократа, следовательно, очень велик риск образования правового хаоса и правового нигилизма в обществе.

При сопоставлении отношения к понятию «государство» обнаруживаются различия в его назначении у приверженцев указанных политических концепций: для сторонников социализма государство – это главный институт перераспределения ресурсов в обществе и «оружие» в борьбе с буржуазией до установления бесклассового коммунистического общества. Так либеральная идеология отводит государству роль гаранта права и защиты собственности людей, в остальном человек предоставлен самому себе и своим интересам.

В либеральной и социалистической концепциях присутствуют различные оценки процесса исторического развития. Для сторонников либерализма современная цивилизация является важнейшим достижением и заключительной стадией эволюции социума и представляет собой безусловную ценность. В социалистической теории присутствуют другие оценки цивилизации: история человечества только начинается, и в ее ходе капитализм будет сменен социалистической системой, развитие которой, в свою очередь, приведет к установлению идеального коммунистического общества. Позиция социалистов по отношению

к цивилизации побуждает усматривать в ней некоторые характеристики утопичности.

Итак, становление классических либеральной и социалистической политико-философских доктрин было обусловлено потребностями общества в усовершенствовании социальной системы, упорядочения взаимоотношений между обществом, государством и отдельной личностью, переосмыслением представлений об истоках государственной власти и, в целом, трансформацией картины мира европейского человека в XVII – XIX веках под влиянием научных открытий, развития и усложнения общественных отношений.

Привлекательность данных теорий основывалась на морально-этических соображениях и принципах, которые можно представить в следующих вопросах: 1) может (должен) ли человек жить свободно и решать собственную судьбу сам, или его будущее – стать «винтиком» государственной машины, где его жизнь будет определяться государственными интересами?

2) является частная собственность полностью неприкосновенной, что станет залогом истинной свободы человека, или государство сконцентрирует собственность в своих руках, что в перспективе может привести и к претензиям на свободу личности?

3) что для человека является высшим приоритетом – свобода или равенство? На что он готов для разрешения этого дуалистического противоречия?

4) что должно стать регулятором и гарантом свободного и безопасного общества – верховенство права закона как безусловных ценностей, или государственный аппарат как источник формирования правил социального взаимодействия?

Реализация этих теорий на практике должна была доказать их логическую законченность и жизнеспособность. Либерализм как система ценностей нашел свое воплощение в европейских государствах с XVIII века (Великобритания, Франция, США, Голландия). Социалистическая доктрина получит шанс к реализации в 1917 году с приходом к власти в России большевистской партии.

ГЛАВА 2. ВЗАИМОПРОНИКНОВЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИДЕЙ В ЛИБЕРАЛЬНЫХ И СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЯХ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

2.1. Заимствование теоретиками социализма классических либеральных идей

В процессе своего развития социалистическая доктрина претерпевала некоторые изменения за счет обогащения новыми теориями, в том числе, принадлежавшими традиционно классической либеральной школе.

В западной политико-философской мысли, начиная с 20-х гг. XX века оформляется новое течение – неомарксизм. Изначально его истоками стало новое прочтение марксистской теории представителями франкфуртской школы, преимущественно психологического, социологического и философского направлений – Максом Хоркхаймером, Теодором Адорно и Гербертом Маркузе.

Немецкий исследователь В. Каспарт сделал точное заключение в отношении теоретической направленности научных изысканий франкфуртской школы: «Никому не хотелось ждать революции, автоматически предсказанной с научной точностью. С тех пор – с целью удержания или получения (ново) марксистскими кадрами власти – повелось расширять правильное культур-большевистское сознание. Психология полностью вытеснила значение экономики» [33, с 12].

Идеологи неомарксизма видели в капиталистической организации общества основания для все более увеличивающихся страданий каждого отдельного субъекта. Буржуазное производство подчиняет разум и культуру, подменяя их стремлением к прибыли, что, в свою очередь порождает возрастающее социально-экономическое отчуждение. Для сторонников неомарксизма категория отчуждения является одной из ключевых. В результате социально-экономического отчуждения формируется социальная

структура обществ в виде классового антагонизма, что позволяет в качестве характеристик неомарксистской школы выделить релятивизм и социоморфизм [75, с. 9]. У К. Маркса, наоборот, доминирует идея о необратимом социально-экономическом прогрессе, который необратимо приведет к установлению общества справедливости в результате естественного хода истории.

В противовес воззрениям классических марксистов, неомарксисты делали ставку на полное отрицание духовной культуры человека. В работе Герберта Маркузе «Эрос и цивилизация» рассматривается проблема угнетения человеческой природы буржуазной культурой посредством культурных и моральных запретов [73, с.4].

В неомарксистских теориях прослеживается еще более непримиримое, чем ранее, отношение к концепции капиталистической цивилизации. Революция в них предстает как «конец истории», вселенская катастрофа, и должна в итоге привести к преодолению прогрессирующего «сумасшествия человечества». Отсюда теоретики неомарксизма делают ставку на те социальные категории, которые выступают как угнетаемые западной цивилизацией (расовые, национальные, сексуальные): жители «третьего мира», имеющие сложности с интеграцией в капиталистическую систему, наркоманы, безработная молодежь, преступники [23, с.67].

Перечисленные особенности неомарксизма привели к его широкому распространению в 60-е годы, став для «новых левых» законченной идеологией. Тем не менее, спустя десятилетие, движение «новых левых» в целом потерпело неудачу, вырождаясь в левый экстремизм и даже терроризм [17, с.54].

Неомарксисты осознали, что революция в буржуазной цивилизации не предвидится в ближайшем будущем, отсюда они делают ставку на преобразование человеческого сознания посредством психоанализа и методов социологии [45, с.5].

Избирательность отношения к классической марксистской теории выражалась у сторонников неомарксизма в двойственности отношения к коммунистам (особенно – у Ю. Хабермаса): с одной стороны, их режимам отдавалось безусловное предпочтение перед капиталистическими, а, с другой, - выбирали социализм, руководствуясь исключительно моральными соображениями [45, с.98].

Спекуляции на фобиях, национальных комплексах и исторических чувствах вины представителями Франкфуртской школы были ориентированы на воздействие на образованную часть буржуазного электората. Равнодушие по отношению к страданиям бедных, возможных жертв нацизма, переживания по поводу жизненных сложностей национальных и сексуальных меньшинств в реальности отвлекали внимание избирателей от реального политического курса правительств социалистической ориентации.

Ю. Хабермас формулирует определение «демократии», которое соответствует исключительно социалистическому государству. По его мнению, зло несоциалистического мира должно быть уничтожено прогрессивным марксистским обществом, хотя возможное наличие «зла» в самих социалистических странах игнорирует^[45, с.100]. Т. Адорно был сосредоточен на идее критики цивилизации, которая, по его мнению, привела человека к расплате интеллектуальной свободой за то, что он отобрал материальную власть у природы [46, с.3].

После победы в Германии национал-социалистической рабочей партии неомарксисты приступили к исследованию психологических истоков фашистской ментальности, издав серию публикаций на эту тему [72, с.108].

По мнению исследователя И.А. Михайлова, можно выделить три основные идеи, характеризующие отношение неомарксистов к фашизму: а) фашизм крайне опасный враг пролетариата; б) необходимо создание единого оборонительного фронта рабочего класса;. в) поначалу социальную базу фашизма они были склонны усматривать в аграриях и мелкой буржуазии; позднее возоблада-

ет тенденция видеть в фашизме орудие кругов как раз *крупной* буржуазии[45, с.29].

Обратим внимание: убеждение, что главные враги и идейные антагонисты фашистов именно большевики, не отличает франкфуртцев от сторонников классического марксизма. Эта установка объясняет попытки изучить феномен фашизма в контексте марксистской методологии.

В рассуждениях Т. Адорно, Г. Маркузе и других неомарксистов антикоммунистические взгляды их оппонентов выступали признаком наличия у них возможных фашистских установок. Ю. Хабермас оценивал наличие несовершенного марксистского общества как наказание для немцев, несущих ответственность за нацистское прошлое [72, с.45].

Т. Адорно и Ю. Хабермас увязывали антифашистские взгляды с симпатией советскому режиму и ненавистью к буржуазному христианскому обществу[45, с.46].

В соавторстве с еще одним представителем Франкфуртской школы Максом Хоркхаймером, Теодор Адорно пытался сопоставить механизмы либералистской экономики и плановой фашистской экономической модели. Может показаться, что в бурно развивающейся западно-европейской экономике усматривается условие прогрессивного культурного развития. Потом становится очевидным, что при фашизме отсутствует идентичность групп интересов. Отсутствие либеральной составляющей в форме оказания влияния на государство со стороны общества с помощью свободного выражения мнения ведет к тому, что государство в лице фашистской бюрократии перестает зависеть от общества и становится неподконтрольным ему. «Равный и справедливый обмен, – заключает Хоркхаймер, – довел себя до абсурда, причем тоталитарный порядок [как раз] и есть тот самый абсурд» [46, с.12].

По мнению Макса Хоркхаймера, слабеющая либеральная модель неизбежно приводит к усилению власти политической элиты. Ее доминирование, обусловленное прежде прозрачными экономическими механизмами, теперь должно поддерживаться еще и политическими

средствами. Таким образом, приходит к выводу, что фашизм есть следствие вырождения либеральной системы.

Макс Хоркхаймер полагал, что уничтожение евреев, осуществляемое нацистами в условиях именно рыночной экономики Германии, обусловлено мотивами экономической целесообразности, а не узко психологическими причинами. Не менее интересна его мысль о том, что на определенной стадии развития капитализма необходимо государственное регулирование процесса «эксплуатации рабочего класса» [49, с.67].

Реальность функционирования экономики по Хоркхаймеру, побуждает его прийти к умозаключению, что «труд делает человека свободным», а этот лозунг очень пригодится нацистам. В своих рассуждениях Макс Хоркхаймер приходит к заключению, что источник разрушения либерализма – в нем самом [49, с.69].

Идея революции у Хоркхаймера вызывает недоверие в связи с тем, что пролетариат, которому он отводит в ней доминирующую роль, деклассирован, а другие социальные категории не вполне политически сознательны. Вместе с Адорно Хоркхаймер полагал, что германское рабочее движение не способно к реальным действиям [49, с.50].

Критики неомарксизма отмечают некоторую непоследовательность в их отношении к роли пролетариата в революции. Несмотря на разочарование рабочим движением, сторонники франкфуртской школы ставили перед ним вполне конкретные цели: «Задача немецких пролетариев – свергнуть свое правительство, а французских – поступить так же со своим; и то и другое – с различными целями. Французам – для того, чтобы довести до конца войну с Германией (поскольку нынешнее правительство является тайным союзником немцев). Задача пролетариата в том, чтобы убрать преграды на пути к более разумному миру. Лучшее средство для этого – война с Германией. Однако во всех западных странах этот призыв лжив. Россию надо пока оставить в стороне, прежде чем у самих, у себя дома не установятся разумная ситуация – а там, возможно, с помощью силы, получится установить лучшее общество и в России» [82, с.51].

Пессимизм представителей Франкфуртской школы выражается в сомнении, что справедливое общество в принципе возможно создать. М. Хоркхаймер справедливо полагает, что любые призывы к революции могут привести совершенно к иным, нередко – утопичным, результатам, принципиально отличающимся от первоначальных замыслов.

В работах М. Хоркхаймера заметно его неприятие метафизики, которая может повредить течению революционного процесса. Он предлагает сосредоточиться не на призрачном и неясном идеале «социалистического человека», а ставить более конкретные цели общественного переустройства, например, более эффективная форма экономики [82, с.90].

Спустя несколько лет, к концу 1930-х гг. Хоркхаймер несколько меняет свое отношение к революции, допуская в определенных обстоятельствах ее необходимость. К середине 40-х гг. XX века социолог вновь возвращается к мысли, что последствия революций непредсказуемы, отчего использовать революцию как способ установления нового общественного строя, по его мнению, весьма опасно [84, с.91].

С помощью усилий Хоркхаймера в социальной теории франкфуртцев создается новая система воззрений. Это система марксизма без пролетариата, критика, без позитивного идеала. «Себя самого я считаю критическим теоретиком. Это значит: я могу сказать, что ложно, но не могу определить, что правильно» - так говорит о себе Хоркхаймер [84, с.50].

Себя Франкфуртская школа именует «критическая социальная теория», делая некоторый намек в адрес представителей других школ гуманитаристики не критичное отношение к предмету.

Оправдывая свою неготовность вслед за критикой марксизма предложить более эффективные идеи, Хоркхаймер утверждает, что «наука Маркса есть критика буржуазной экономики, а не набросок экономики социалистической» [84, с.60].

Разочарование представителей франкфуртской школы в возможности построения идеального общества в соответствии с классическим марксизмом

объясняется их представлением о фашизме, капитализме и коммунизме как однопорядковых явлениях, этапах формирования всеобщего тоталитарного общественного устройства.

Неомарксистскую теорию Франкфуртской школы можно представить, как попытку развить концепцию «культурного большевизма», с использованием социо-фрейдистской методологии для продвижения марксистско-ленинской революции и полемики с фашистской теорией [55, с.15].

Согласно мнению немецкого исследователя В. Каспарта, сторонники неомарксистской теории поддерживают ненависть марксистов к буржуазному обществу. Кроме этого, мало поддалось трансформации желание заменить европейские национальные государства революционным интернациональным обществом, которое могло бы расширить сферу политического контроля над гражданами в целях их культурного перевоспитания [31, с.70].

Помимо Франкфуртской школы, еще одним источником формирования неомарксистской идеологии стала итальянская марксистская мысль, в которой вновь приобрели популярность труды одного из основателей итальянской коммунистической партии Антонио Грамши (1891—1937). Основная идея А. Грамши была связана с преобразованием политического и культурного сознания общества. Хотя самого по себе этого и недостаточно для пролетарской революции, «триумф передовой культуры над реакционной культурой» мог бы стать, по мнению итальянского коммуниста, вкладом в уничтожение либеральных капиталистических институтов [24, с.4].

Отводя главную роль в формировании народного сознания господствующему классу как коллективному субъекту, А. Грамши невольно утвердил первичность и доминирование мысли над материей как таковой. По мнению итальянского коммуниста, власть над духом является главным источником власти вообще [24, с.5]. Это утверждение принципиально противоречит положению Маркса о том, что материальное бытие определяет сознание. Благодаря допущению идеализма, концепция культурного господства Грамши получила в 60-е гг. XX века широкое распространение в

Европе, в том числе среди «новых правых» в контексте их критики либеральной демократии. Теперь с собственно революционной цели происходит смещение в область воздействия на общественное сознание: выигранной должна быть битва за культурную гегемонию. Кроме этого, на взлет популярности идей Грамши повлияло вторжение советских военных сил в Чехословакию в 1968 г., когда было необходимо подтвердить свое несогласие с вторжением на территорию государства, где и так уже существовало зрелое социалистическое общество [24, с.78].

А. Грамши постоянно обращался к проблемам антиэгалитаризма, апеллировал к теориям немецкой классической философии, что в итоге повлекло к размыванию в его работах классических марксистских идей [24, с.7].

Итак, Франкфуртская школа представляет собой эклектичный набор идей, среди которых выделяется модифицированная марксистская доктрина, дополненная методами фрейдистского психоанализа, усиленное, по сравнению с классической марксистской теорией, неприятие буржуазного способа развития общества, отход от традиционного материализма.

Дальнейшая эволюция теорий неомарксизма заключалась в продолжающемся отходе от идей К. Маркса, с сохранением верности ей на словах и формальной поддержке коммунистической политики. В конечном итоге последователи франкфуртцев отойдут от т.н. неомарксистской парадигмы и останутся на радикально антибуржуазных позициях, обоснование которых окажется за пределами марксистского учения.

2.2. Привлечение традиционной социалистической идеологии в либеральную доктрину

Неолиберализм – теория, согласно которой рыночный обмен является основой системы этических норм, достаточных для регулирования всех человеческих действий (ссылка). Получил распространение в большинстве государств земного шара в 70-е гг. XX в. Распространение новой теории шло параллельно с пересмотром взглядов на права государства, когда проводилась приватизация, изменялась финансовая система, более серьезное значение стали придавать рыночным процессам. Государственное вмешательство в экономику было сведено к минимуму, но одновременно обязательства государства, связанные с социальными гарантиями гражданам, сильно уменьшились. М. Тетчер и Р. Рейган часто цитируют в качестве основоположников неолиберального поворота [64, с.5].

До середины прошлого века политико-философская мысль смотрела на рынок как на одну из областей человеческой природы. Подобное мнение подверглось радикальному пересмотру после Второй мировой войны немецкими либералами, которые были экономистами-практиками.

Как концепт политэкономии – рынок помогает провести воображаемую линию между интересами правительства и обычных граждан. Благодаря усилиям физиократов и меркантилистов, рынок становится главным ограничителем правительства и его интересов [64, с.7].

В концепции неолиберализма рынок изображается как предельно идеальный экономический план или матрица социума. Правительство заполучило возможности расширить границу своих социальных полномочий и регулировать не только «чистую» экономику, но и такие «естественные» факторы как классы, здравоохранение и образование. Государственная власть получила два критерия для создания собственного представления о “национальном интересе” – социальная польза и меновая стоимость. Национальный интерес выводится из сложного процесса взаимодействия частных интересов, попытка арбитража

между социальными обязательствами и увеличением частных капиталов. Делая попытку нащупать равновесие между рынком и социальными обязательствами, либеральное правительство начинает заниматься манипулированием интересами граждан. Правительство не соблюдает арбитраж социальных интересов - оно занимается политикой, то есть управляет распределением данности интересов [64, с.10].

Небольшая группа убежденных сторонников свободного рынка объединилась вокруг австрийского политического философа и экономиста Фридриха Фон Хайека с целью создания в 1947 году общества Мон-Пелерин, названного в честь швейцарского курорта, где и проходили встречи. В данную группу входили такие выдающиеся мыслители, как Людвиг Фон Мизес, Милтон Фридман и известный философ Карл Поппер. Философию данного общества можно охарактеризовать следующей цитатой: «Ключевые ценности цивилизации в опасности. На значительном пространстве Земли важнейшие условия для поддержания человеческого достоинства и свободы уже исчезли. В других районах им постоянно угрожают современные политические процессы. Положение личности и добровольных объединений граждан все больше подавляется произволом государства. Даже небольшая ценность человека западной цивилизации – свобода мысли и самовыражения – оказалась под угрозой из-за распространения убеждений, которые, требуя толерантного к себе обращения и находясь пока в меньшинстве, стремятся добиться такого влияния, которое позволило бы подавить и искоренить любые другие точки зрения. Члены нашей группы убеждены, что подобные процессы стимулируют развитие таких взглядов на историю, в соответствии с которыми отрицаются все абсолютные моральные нормы, а также развитие теорий, которые ставят под сомнение безусловную непреложность права. Кроме того, мы считаем, что подобные явления стали возможными в результате ослабления веры в частную собственность и рыночную конкуренцию. Без распространения влияния и инициативы, связанной с собственностью и конкуренцией, сложно представить себе общество, в котором можно было бы реально защитить свободу». Данная цитата иллюстрирует, что западная цивили-

лизация разрушается под натиском коммунистических идей, но противостоять этому можно, только если разобраться в основополагающих институтах цивилизованного общества [81, с.23].

Неолибералы во главе с Людвигом Эрхардом составили костяк команды реформаторов послевоенной Германии в 1945 году. Этой группе экономистов пришлось практически с нуля развитие рыночных институтов в послевоенной Германии. Они также полагали, что происхождения экономического кризиса в преднацистской Германии и последующий приход к власти нацистов были следствием государственного вмешательства в экономику.

Неолибералы произвели настоящую революцию в правительственных практиках либерализма. До этого основой либерализма была доктрина *laissez-faire* (с фр. — «позвольте-делать»), принцип невмешательства), которая предписывала запрет на вмешательство государства в естественный рыночный процесс. Вмешательство допускалось строго в роли регулятора или надзорной инстанции. Немецкие неолибералы хотели пойти еще дальше, они считали, что государство должно организовать логику работы рынка таким образом, чтобы эта логика была важным основанием, шаблоном и мотивом любого управления. Следовательно, рынок должен стать регулятором поведения правительства [81, с.56].

Такая революционность неолибералов должна была выразиться в ослаблении государственного надзора, в ликвидации всех препонов и барьеров свободному рынку и конкуренции.

В то же время неолибералы считали, что рыночные институты не могли стать центральными для общества без креативной и активной роли государства. Государство должно было оставаться интервенционистским. Государству не нужно будет решать проблему всеобщей занятости, покупательной способности денег, промышленных инноваций или платежного баланса – это все вторично. Оно должно быть занято созданием и наладкой хрупких рыночных механизмов во всех сферах общества.

В противовес неолиберальной позиции сторонников Фридриха фон Хайека, американский политический философ Карл Полаanyi полагал, что регуляция рынка не является коррекцией социальной деформации, которые возможно он провоцирует. Регуляция и интервенции, по его мнению – это обязательное условие для любого государства [53, с.98].

Тем не менее, активная интервенционистская политика государства направлена не на сферу экономики как таковой, а на условия, которые влияют на рынок, а именно на сферу социального [76, с.3]. Государство производит интервенции в само общество, чтобы воздействовать на него в стратегическом плане: через демографию, через технологии, через права собственности, социальные и культурные условия, через образование и правовое регулирование. Таким образом, либеральное правительство» не может быть ограниченным в своих потребностях, оно пытается создавать саму систему социума [76, с.5].

Подлинный расцвет капитализма происходит во Франции в 1980-е гг. в эпоху президентства Миттерана и социалистических сил в парламенте. Именно социалисты делают предприятие стержнем своей экономической и социальной государственной политики – предприятие становится решением проблемы кризиса, безработицы, а также средством, с помощью которого преодолевается застой и восстанавливается значимость страны на мировой арене. Конкретные предприятия занимаются этими вещами. Поэтому политическая власть должна сознавать важную роль предприятия в обществе [76, с.55].

Сердцем общества теперь будет не национальное государство, а предприятие. Важной спецификой революции неолиберализма связывают с наступлением частной сферы на государственную – приватизация, которая изменила традиционные для опеки государства сферы - от медицинского и социального страхования до образования и структур безопасности, науки. Подобный подход скрывает от глаз другой важный процесс. Неолиберальное государство трансформировало предприятие из юридического лица в универсальную форму организации, которое выходит за границы производства и обмена, и становится образцом управления и трансформации жизни внутри общества для учрежде-

ний образования, армии и спецслужб, церкви, НПО, а также государственных учреждений и агентств.

Постулат неолибералов о том, что государственные структуры должны будут организованы по образцу рыночных структур, находит свое воплощение в том, что предприятие становится организационной матрицей не только для бизнеса, но для всего социального мира и государства.

Естественным образом трансформируется среда жизни человека, созданная по новым лекалам. Над образом нового человека работали разнообразные консультанты и подразделения, управляющие на предприятии персоналом. Они устанавливали стандарты «модели сотрудника» предприятия, которым должен соответствовать человеческая натура [76, с.134].

В 80-е годы XX века разрабатывались популярные у нынешних специалистов по управлению персоналом требования, которые предъявлялись сотруднику: «человек диалога», «толерантная личность», «общительность и способность работать в команде», «готовность взять на себя ответственность и инициативу» и пр. Данный набор качеств у человека должен был создать мобилизационные способности индивида и особенный тип поведения в коллективе.

Дух предпринимательства начинается с культа производительности, экзистенциальной или спортивной, но всегда менеджерской. Подобный культ становится универсальной необходимостью. Впрочем, как и капитализм, который обрел статус основы цивилизации, больше не имеет предмета спора и не является центром общественных дискуссий. Теперь каждый индивид должен будет превзойти самого себя и найти место на рынке для себя. Так что предприятие, которое исторически было инструментом господства над популярными классами, становится моделью поведения для всех индивидов.

В битве за предприятие, за новый образ жизни и нового человека призывают такие неолиберальные политики как Рональд Рейган и Маргарет Тэтчер, так же в нее втягивается Франция Миттерана и Испания Филиппе Гонсалеса. Неолиберальные практики становятся интернациональными и всеобъемлющими [76, с.190].

На первый взгляд неолиберальная политика выглядела так, будто государство из тотального контролера постепенно превращается в институт по предоставлению весьма ограниченного спектра услуг. В этой ситуации только небольшая группа французских философов (Мишель Фуко, Жиль Делез и др.) настаивали на том, что в контексте неолиберализма развивается более незаметная, но весьма эффективная форма контроля за обществом и за экономическими рынками [76, с.36].

По мнению Фуко, универсальная, всеобъемлющая роль государственного вмешательства проникает даже в такие частные сферы, как семейные и сексуальные отношения. Наблюдаемые в последние десятилетия нивелирование классической формы семьи, принятие обществом многообразных нетрадиционных форм сексуальности – это не доказательство снижения роли государства, а наоборот, признак появления новых форм контроля [76, с.59].

Очевидно противоречие между одним из постулатов современного неолиберализма – «правительство должно быть скромным» и реальным усилением социального контроля. Минимализм участия государства в общественной жизни (снижение количества директив, распоряжений и предписаний) подменяется созданием условий для усиления контроля над поведенческим выбором граждан (социальный инжиниринг, политика психоанализа).

Представленная неолиберальная концепция содержит в себе очевидный парадокс. С одной стороны, государство в результате самоограничения должно наделять автономией субъектов гражданского общества, рынка и политики, признавать личные свободы и инициативы за индивидом. Этому процессу неизбежно сопутствует децентрализация власти (через ее перераспределение внутри правительственного аппарата), что приводит к «размыванию» фигуры государственного суверена. С другой стороны, в реальности оказывается, что контроль неолиберального государства над обществом получается все более проникающим и всеохватным.

Теоретический симбиоз либеральной и социалистической концепций представляет собой взаимовлияние ключевых идей данных доктрин, обусловленный потрясениями первой половины XX века. Установление социализма на территории России к 1920-м гг., приход к власти в Германии национал-социалистической партии, трагедия пережитых мировых войн заставили сторонников либерализма и социализма пересмотреть свои классические теории для адаптации их к новым реалиям, сложившимся в сер. XX века. Данные переосмысления породили т.н. концепции «неомарксизма» и «неолиберализма». Первая представляла собой попытку восполнить недостаточную научную полноту классической марксистской теории за счет смягчения отношения к неизбежности социалистической революции, дополнения его психологическими изысканиями в духе фрейдизма и изменения объекта предназначения главной роли в политическом процессе с пролетариата на угнетенные национальные, сексуальные и прочие меньшинства, а также маргинальные категории населения и асоциальную молодежь [23, с.90]. Неолиберализм, в свою очередь, был призван оправдать вмешательство государства в экономику, социум, вплоть до приватной сферы жизни личности. Таким образом, взаимообогащение социализма и либерализма традиционно не присущими им идеями, должно было, по мнению их приверженцев, сделать данные теории более жизнеспособными и практически реализуемыми, но в конечном итоге привело к серьезному отходу от первоначальных политико-философских систем.

ГЛАВА 3. РЕАЛИЗАЦИЯ ЛИБЕРАЛЬНЫХ И СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ ПОЛИТИКО-ФИЛОСОФСКИХ ДОКТРИН ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА

3.1. Неолиберальная идеология в политике современных стран

Падение интереса к социалистической идеологии в 80-е гг. XX в. и расцвет так называемого «культа потребления» вызвали рост популярности неолиберальных теорий, как на Западе, так и среди интеллектуальной и политической элиты стран Восточной Европы. Симпатии к этим теориям появились даже в кругах советской интеллигенции, для которой были доступны западная литература и возможность контактировать с западными общественными и политическими деятелями.

Идеи неолиберализма начали воплощаться в области реальной политики к началу 70-х гг. XX века, когда произошел очередной экономический кризис и кейнсианская теория окончательно перестала объяснять спады в мировой экономике.

Заметим, что ранее, в 1930-х гг. в условиях мирового экономического кризиса политический курс многих западных стран, в том числе США (в президентство Ф. Рузвельта), развернулся в сторону усиления государственного вмешательства с целью вывода экономики из кризиса.

С периода завершения «холодной войны» неолиберальная политика в большей степени нашла проявление в сфере экономики и реализовывалась международными финансовыми институтами, базирующимися в Вашингтоне и обозначаемыми обычно как «вашингтонский консенсус». Основные положения данной программы:

- 1) защита прав частной собственности;
- 2) снижение налогового бремени на бизнес;
- 3) свободная конвертируемость валют;
- 4) здравоохранение и образование как приоритеты государственных

расходов;

5) свободная торговля.

С приходом к власти премьер-министра Великобритании М. Тэтчер и президента США Р. Рейгана принято считать, что неолиберализм стал доминирующей теорией в политической мысли Запада. Основные политические мероприятия в контексте данной теории заключались в сокращении государственного регулирования экономики, снижения социальных обязательств государства, закрытие убыточных предприятий, особенно содержащихся за счет бюджета, широкая приватизация государственной собственности, ослабление влияния профсоюзов на предприятиях.

Ключевой движущей силой политики М. Тэтчер было развитие частного предпринимательства, приоритет индивидуальной инициативы. Вмешательство государства в частную жизнь минимизировано. Британский премьер-министр полностью отказалась от избирательной поддержки малого бизнеса. По некоторым подсчетам в 1979–80 гг. несколько тысяч мелких фирм, на которых было занято около 1,5 млн. человек, были освобождены от уплаты налогов. И сохраненные денежные средства были направлены на расширение и модернизацию своих предприятий. М. Тэтчер сломала прочную систему государственных корпораций, сложившуюся в стране. К частным владельцам перешло большинство предприятий нефтяной и авиакосмической промышленности, а также воздушного транспорта [31, с.120].

Как считала «железная леди», все трудоспособные граждане должны обеспечивать себя самостоятельно. Государство же и благотворительные организации должны заботиться только о тех, кто по той или иной причине прокормить себя сам (инвалидность, временное отсутствие работы). В результате все социальные программы в Великобритании были значительно ограничены.

К числу достижений программы тэтчеризма относят и распродажу акций национализированных предприятий. Только за четыре года (1984–1988) число британцев, владеющих акциями, выросло более чем в три раза [31, с.45].

В результате проводимой политики уровень жизни британского общества повысился: средний доход на душу населения за 10 лет вырос на 23%. Практически у каждого гражданина Англии появились собственные дома взамен муниципальных квартир, чем М. Тэтчер очень гордилась [33, с.89].

Основные идеи неолиберальной теории составили концептуальную платформу экономической политики президента Р. Рейгана (1981-1988), так же известная как «рейганомика». Она характеризовалась защитой принципов свободного рынка, конкуренции, открытой экономики, сбалансированность бюджета и снижение налогов для стимулирования предпринимательской деятельности. Вместе с тем правительство принимало меры для стимулирования инвестиционного роста, снижения инфляции и повышения конкурентоспособности страны на международном рынке [64, с.90].

Социальный элемент политики Р. Рейгана заключался в «новом федерализме», по которому произошло разделение полномочий власти между федеральным центром и штатами по реализации социальных программ. Центр должен был финансировать медицинскую помощь бедным, а штаты должны были реализовывать свои программы на местах самостоятельно. Был создан федеральный фонд, средства которого направлялись на реализацию социальных программ в течение 4-х лет. Произошло масштабное сокращение программ поддержки бедных слоев населения – продовольственные карточки и пособия для матерей-одиночек. Меры, направленные на поддержание уровня жизни среднего класса (пенсионное, медицинское страхование) не изменились. Уровень минимальной заработной платы был отменен [64, с.37].

Результатом данной программы стало повышение благосостояния американцев в выражении ВВП 1989 г. – 14000\$, 1991 г. – 24000\$ [64, с.120].

Идея «сильного государства» постепенно трансформировалась за счет курса на «структурную перестройку», реализуемого через внешние займы на

условиях Всемирного Банка и Международного валютного фонда. В дальнейшем следовали меры по ужесточению налогового режима, либерализации торговли, свободного обращения валют и вступление в ВТО.

Трансформация государства по неолиберальной модели подразумевает под собой отказ от национального суверенитета в условиях глобализации и глобального управления. Снижается роль национальных субъектов в решении международных вопросов, приоритетность отдается транснациональным союзам и объединениям [10, с.90].

Такие понятия, как «национальное государство» и «государственный суверенитет» в неолиберальном дискурсе считаются устаревшими. Суверенные национальные государства в перспективе должны трансформироваться в космополитные по форме и мультикультурные по содержанию [20, с.18].

Государство, реализующее неолиберальную политическую концепцию, в большей степени сосредоточено на поддержке эффективности финансовых институтов, нежели на распределении социальных благ для граждан. Ответственность за собственное материальное благополучие в неолиберальном государстве несут сами граждане.

Итальянские социологи Алессина и Джавацци справедливо утверждают, что неолиберализм на практике, очевидно, смыкается с левыми концепциями, и приводят следующие аргументы: реальная конкуренция в некоторых видах деятельности (нотариусы, фармацевты, таксисты, адвокаты и т.д.) снижает цены на услуги в интересах категорий населения с низкими доходами; либерализация рынка труда при государственной поддержке безработных позволила бы молодым и малоопытным людям иметь шансы на трудоустройство дала бы им возможность продемонстрировать свою пользу как ценных сотрудников на рынке труда; высокая конкуренция позволяет более выгодно и рационально использовать ресурсы (энергоносители, сырье для производства, финансовые инструменты и пр.) [20, с.130].

В 80-е годы XX века Маргарет Тэтчер спровоцировала возмущение британских преподавателей университетов старше 55 лет, предложив им

оставить свои места за умеренное вознаграждение, либо пройти аттестацию комиссии, от которой в итоге зависело бы финансирование вуза. Большинство левых партий (особенно итальянские) выражали свое недовольство перспективой возможного уничтожения такими акциями английской высшей школы. В итоге освободившиеся после ухода пожилых преподавателей средства университеты направили на найм молодых специалистов и смогли предложить им большую оплату и предотвратили отъезд самых талантливых из них за рубеж. В результате произошло обновление научных кадров английских вузов, которые считаются по праву лучшими в Европе [20, с.48].

Смягчение негативных последствий сокращения рабочих мест могло бы быть осуществлено за счет выплат пособий (непродолжительный период), пока человек ищет новую работу.

Одной из сторон реализации неолиберальной политики выступает технократия – появление категории эффективных государственных менеджеров, которые считаются носителями знаний, недоступных простым обывателям, по обеспечению наилучшей государственной политики.

Отрицательные результаты внедрения технократического способа управления чаще всего обусловлены слабостью демократических институтов, низкой квалификацией и компетентностью политической элиты. Неудачный опыт применения технократии в политике России 1990-х – начала 2000-х гг. объясняется, по мнению профессора Кентского университета Р. Саквы, тем, что демократические институты в России по-прежнему остаются слабыми и недоразвитыми. Это позволяет закрытому административному режиму ограждать себя от народного контроля и существовать для достижения исключительно собственных целей. С другой стороны, исследователь констатирует узость пространства для дискуссий и выражения общественной позиции, что опять же не на пользу технократическому подходу, который основан на идее единственного правильного решения, исходящего от самого технократа и принимаемого в его интересах [24, с.24].

Политика французского президента Н. Саркози (2007 -2012) также укладывается в контекст неолиберализма. Для Франции – страны, славящейся своей левой традицией, программа Саркози стала по-настоящему новаторской: он выступал за свободу найма и увольнений, за снижение издержек для бизнеса, реформирование системы пособий по безработице. Саркози подчеркивал важность объединенной Европы как единого экономического [24, с.36].

Отметим, что французской власти удалось создать условия для смягчения последствий мирового кризиса 2008 г. в экономике страны. Острота социального недовольства граждан была снижена за счет увеличения государственного субсидирования. Обратной стороной внешнего благополучия стал рост дефицита бюджета и государственного долга, что потребовало корректировки неолиберального политического курса для ликвидации финансовых проблем [27, с.56].

К числу несомненных достоинств курса Н. Саркози стоит отнести внешнеполитическую деятельность: Франция вновь вернула себе статус неформального лидера объединенной Европы и, наравне с Германией, идеолога евроинтеграции.

Стоит также упомянуть пример Ирландии, которая твердо привержена неолиберальной политике государства. В конце 80-х гг. относительно бедная страна по показателям ВВП на душу населения начала обгонять такие страны как Италия и Великобритания и продолжает развиваться по настоящее время. Данные Всемирного банка свидетельствуют, что ВВП Ирландии на начало 1990-х был 13500\$, а на 2015 г. – 54600\$, (Италия – 35900\$, Великобритания – 41300\$) [25, с.89] .

У неолиберальной программы присутствуют безусловные сильные стороны: развитие мировой торговли спасло от бедности миллионы людей, иностранные инвестиции привнесли новые технологии в развивающиеся страны, приватизация государственных предприятий обеспечила более рациональное использование ресурсов и снизила нагрузку на бюджет [36, с.29].

В конце 1990 г. волна финансовых кризисов, прокатившихся по миру, побудила к переосмыслению неолиберальной программы «вашингтонского консенсуса». Именно в это время в Латинской Америке пришли к власти правительства с явной антипатией к неолиберальным теориям.

Среди недостатков реализации политики неолиберализма его критики выделяют социальный аспект: в результате, по их мнению, разрушаются основные характеристики государства «всеобщего благосостояния». Исследователь марксистской ориентации Д. Харви считал, что неолиберализм – это проект реорганизации капиталистического накопления в условиях экономического кризиса, в результате чего должны создаваться новые места и условия для накопления капитала. В результате, по его мнению, власть экономической элиты, пошатнувшаяся в годы кризиса, должна восстановиться [64, с.120].

Французский философ М. Фуко видит уязвимость неолиберальной концепции на практике с позиции возможного усиления государственного контроля: неолиберальные проекты ведут не просто к устранению государственного вмешательства, но открывают новые косвенные формы власти, стремящиеся расширить сферу личной инициативы во всех сферах, поощряя появление самоуправляемых индивидов [64, с.125].

Во всем мире лейбористские партии традиционно считаются левыми. Но случаются обстоятельства, которые вынуждают политиков, пришедших к власти, проводить неолиберальные реформы. Подобные идейные трансформации возможны в силу жестких негативных политико-экономических обстоятельств. Экономические реформы в Новой Зеландии проводились под контролем министра финансов Роджера Дугласа (1984 – 1988). Как и в предыдущих примерах реализации неолиберальной политики, происходило сокращение государственного регулирования.

При следующем министре финансов Рут Ричардсон (1990 – 1993) был инициирован комплекс неолиберальных реформ, которые выразились в сокращении социальных пособий, повышении пенсионного возраста с 60 до 65

лет, в снижении импортных пошлин, в приватизации государственных предприятий, в снятии монополии профсоюзов на переговоры с работодателями. В результате страна, имевшая одну из самых закрытых в мире экономик, стала одной из самых открытых. Государственные расходы сократились с 45% ВВП в начале 1980-х гг. до 31% в 2001 г. Наблюдается устойчивый рост ВВП в 3,6%, начиная с 1993 г. [83, с.120]

Еще один пример несоответствия реализуемой политики идеологическому облику правящей партии — современная Китайская Народная Республика. Начиная с 1993 г. череда внутренних реформ, проводимых китайским руководством, должна была адаптировать сложившуюся во времена директивно-плановой социалистической экономики систему социального обеспечения к новым рыночным условиям.

Социальную политику коммунистической партии Китая в настоящее время можно охарактеризовать как неолиберальную, поскольку поддержкой из бюджета пользуется лишь малая часть населения — рабочие государственных предприятий и госслужащие. С другой стороны, материальную ответственность за рождение второго и последующих детей государство возлагает на семью [18, с.17].

В КНР отсутствует пенсионное обеспечение пожилых людей на государственном уровне, заменяется это традиционной заботой детей о родителях, существованием частных и пенсионных фондов и домов для престарелых [2, с.45].

Помимо этого, уменьшение социальной нагрузки на государство достигается за счет внедрения системы платного образования и постепенный отказ от бесплатного распределения жилья.

Отступление от традиционных коммунистических ценностей КПК объясняется рациональными аргументами: огромной численностью населения КНР и ограниченностью финансовых ресурсов, необходимостью поддерживать высокие темпы экономического роста, даже за счет социальных издержек. Результатом подобного идейного компромисса должно стать реальное

повышение жизненного уровня населения и укрепления международных позиций КНР.

Для понимания масштабов социальных трансформаций в китайском обществе напомним, что традиционно отношение в этой стране к частной и государственной собственности было совсем иным. Приведем слова О.Н. Бороха: «В условиях господства социалистической этики в 50-70-е годы в Китае пропагандировалось бескорыстие, и утверждался приоритет «общего» над «частным» [50, с.90]. Начиная с 1990-х годов, китайскому обществу было необходимо стремительно адаптироваться к новым реалиям рыночных отношений и воспринять чуждые для них ценности индивидуализма, личной инициативы, риска и материального накопительства как естественной нормы.

После начала мирового кризиса 2008 г. китайское руководство приняло решение о резком увеличении государственных расходов и последовательно реализовывало антикризисную программу с бюджетом около 600 млрд.\$. Эта программа должна была компенсировать падение внешнего спроса за счет наращивания внутреннего обмена. В годы кризиса китайцы осознанно пошли на инфляцию, нарастив денежную массу за год на 17% [50, с.110].

Ситуация, в которой оказался Китай в начале реформ, показала, что плюсы от реформ перекрывали все минусы и издержки рыночных преобразований. Имело место крупномасштабное преобразование аграрного сектора экономики, что влекло за собой деколлективизацию и стремительный экономический рост, который вытащил Китай из проблемы продовольственного дефицита. Распространение частной собственности укрепило политическую стабильность в стране, что способствовало притоку иностранных инвестиций, так же крупные корпорации привлекает дешевая рабочая сила, которая дешевле чем в США в 20 раз. 70-80% иностранного капитала приходится на тех китайцев, которые эмигрировали после коммунистической революции и обосновались на чужбине. Важным фактором бурного экономического роста является деятельность иностранного капитала, он составляет четверть промышленного экспорта [50, с.340].

В крупных городах предприниматели получили возможность развернуть свой бизнес в сфере услуг и промышленности, осваивая, таким образом, незанятые ниши после социалистической экономики. Вследствие быстрого распространения частного сектора, где формируются все экономические отношения, соотношение доли государственных и частных предприятий стали неуклонно меняться в пользу частного капитала. Так если в 1980 году ВВП Китая равнялся 195\$ и приходился на госсектор, то на 2015 год 8000\$ [50, с.87].

Еще одно государство, чей опыт показывает, что неолиберальная реформа – единственный путь вырвать свою страну из ловушки бедности – это Чили 1970-х гг. «тэтчеризм» и «рейганомика» были позже. Именно в Чили начался отход от идеи государства всеобщего благосостояния (welfare). Процесс преодоления кризиса в латиноамериканской стране была основан на программе нобелевского лауреата в области экономики, профессора Чикагского университета Милтона Фридмана.

Военный переворот в Чили 1973 года был доказательством кризиса послевоенного государства всеобщего благосостояния (welfare state). Следствием социальной политики, проводимой в русле марксизма чилийским президентом Сальвадором Альенде, стала полный экономический хаос и дезинтеграция.

По рекомендации Милтона Фридмана новый президент Чили генерал Аугосто Пиночет сократил государственные расходы на 27% и значительно снизил объем денежного обращения. Как справедливо полагал американский экономист, «конец инфляции приведет к быстрому росту рынка капиталов, а также значительно облегчит переход предприятий и других видов деятельности, которые до сих пор в государственной собственности, в частный сектор» [37, с.180]. Только в конце 1985 года кризис, наконец, утих. Уже в 1990 году стало ясно, что реформа - успешная: это была именно та социальная реформа, которая дала возможность сократить государственные расходы почти в половину с 34% ВВП до 22% [50, с.230].

Немаловажным фактором успешного восстановления чилийской экономики стала пенсионная реформа, в результате которой большинство работников отказались от государственной пенсионной системы и сосредоточили свои накопления в частных пенсионных фондах. К 1990 году более таких рабочих было уже больше 70%. На конец 2006 года около 7,7 млн. чилийцев имели персональный пенсионный счет; еще 2,7 млн. имели частную медицинскую страховку в рамках так называемой программы ISAPRE, которая позволяла работникам отказаться от государственных медицинских услуг в пользу частных клиник. В итоге пенсионная реформа поддержала чилийскую экономику за счет повышения частных сбережений (до 1989 года они достигли 30% ВВП - самого высокого уровня в Латинской Америке) [50, с.56].

Из всего вышеописанного можно сделать вывод, что применение неолиберальной политики в современных странах дает положительные результаты, как в области экономики, так и в сфере социального развития. Основными показателями развития становятся: рост ВВП на душу населения, увеличение налоговых поступлений в бюджет за счет увеличения деловой активности в государстве, возрастание государственных расходов на образование и медицину.

3.2. Постмарксистские теории в актуальной политической практике

К началу 1960 годов созрели обстоятельства, которые могли принести политическую пользу европейским левым движениям: молодежные протесты, имевшие явный антибуржуазный подтекст, направленные против Вьетнамской войны, против размещения в Европе американских ракет «Першинг-2» и против «репрессивной» капиталистической культуры. Параллельно с постепенным снижением накала социального протеста принимавшие в нем участие студенты становились известными в Европе политиками и журналистами: бывший министр иностранных дел Германии Йошка Фишер, бывший премьер-министр Франции Жоспен, французский сенатор-социалист

Анри Вебер, главный редактор газеты *Le Monde* Эдуи Пленель и ведущий академический философ Даниэль Бенсаид и немало других известных общественных деятелей, которые были связаны с левыми и даже – левоэкстремистскими организациями [16, с.19].

К концу 1970-х гг. созрели все обстоятельства для оформления реальной политической базы для сторонников постмарксистских теорий. В связи с объективными условиями упало количество заводских и сельскохозяйственных рабочих, которые ранее составляли ядро избирателей коммунистических партий Франции и Италии, откуда рекрутировалось большинство будущих членов партии. В обстоятельствах трансформации индустриальной экономической системы на экономику услуг, социальная структура представителей рабочих профессий стала также модифицироваться. Согласно данным исследования Fund Research, еще в 1979 году среди членов французской компартии, по меньшей мере, 45% составляли промышленные и сельскохозяйственные рабочие, к 1997 году их число снизилось до 31%. В том же году более половины членов ФКП были работниками интеллектуального труда, т.н. «белыми воротничками», и представителями свободных профессий [28, с.84].

В целом, в большинстве европейских стран проявилась тенденция, при которой рабочие все чаще отдавали свои голоса за «правых». Возмущение растущей иммиграцией из стран «третьего мира», с которым традиционно связывается рост преступности, снижение роста заработной платы во Франции и Италии побуждали рабочих этих стран к поддержке националистически ориентированных партий, которые выступают за запрет иммиграции. В сложившейся ситуации левые партии не смогли этому препятствовать, используя в качестве политической базы иммигрантов и лозунги борьбы с «расизмом» и прочими формами «социального угнетения».

Распад социалистического блока в Восточной Европе в 1989 году и крах СССР в 1991 году привели к дальнейшему ослаблению западноевропейских коммунистических партий.

К 1970-м годам в Европе наблюдалась интересная тенденция: социалисты постепенно перенимали характерные особенности коммунистических партий, создавая видимость преемственности со старыми коммунистическими кадрами. В 1973 году коммунистическая пресса Франции развернула обширную кампанию по критике А. Солженицына за разоблачение преступлений тоталитарной системы. Газеты социалистической направленности по этому поводу молчали, отказываясь компрометировать советских товарищей. В 1975 году газета социалистической партии *L'Unité* также в публикациях по поводу А. Солженицына стала использовать эмоциональные замечания по поводу отсутствия у него «социальной чуткости» и т. д [22, с.35].

Постмарксистские левые не видели идейного противоречия в проявлениях симпатии к капитализму и американским идеалам. В 1999 г., после начала военной интервенции США в Сербии, левые европейские интеллектуалы выражали восхищение американской военной мощью и яростно полемизировали с противниками американского военного вмешательства на Балканах [29, с.100].

По мнению российского политического исследователя А.Н. Дмитриева, Америка разрушила старую Европу и привнесла в нее новую экономико-социальную модель. Европа оказалась перед выбором между социализмом и смешанной экономикой, которая вела к менее националистической социальной системе, отсюда европейские левые перекочевали в альтернативный лагерь. Ален Минц, бывший президент Франции Франсуа Миттеран и архитектор Маастрихтского договора и Европейского союза Жак Делор — все они известные социалисты, отвергнувшие отношения своих партий с экономическими догмами и выбрали движение в будущее. Критики данного подхода, который назывался «avancisme», отмечали в своих анализах, что входящие в правительство социалисты потеряли интерес к масштабному перераспределению финансов и к национализации предприятий и рассматривают правление бюрократии и рынки как необходимые составляющие мира «неограниченных возможностей» [28, с.55].

Было бы неверно усматривать в этом только американский консюмеризм в обертке «прав человека». Среди современных левых, которые ищут компромисс с капитализмом, много таких мыслителей, как Джордж Наполитано, итальянский коммунист, в 1994 году преобразовавший ИКП в Партию демократических левых сил. Сегодня этот бывший коммунист работает советником по экономическим вопросам в Европарламенте, а до этого возглавлял иные посты в этой организации. Делор и Наполитано рассматривают социализм как систему бюрократически управляемого общества, свободную от национальных границ и от традиционного для левых «психоаналитического комплекса в отношении к капитализму» [85, с.109]. В то время как ликвидировался советский блок, Наполитано уже полностью изменил курс. В его книге «Европа и Америка после 1989 года» (1992) совершенно четко указывается, что вся его предыдущая верность Советам полностью перешла к заокеанскому победителю в «холодной войне» [22, с.56]. Пример американской социально-экономической модели направлен, по мнению Наполитано, на помощь решения задачи евроинтеграции, процесс которой задумывался изначально как способ обеспечения европейскому континенту плюралистического, секулярного и социал-демократического будущего.

Тяжело понять такую идеологическую трансформацию итальянского политика, если игнорировать присутствие американских сил в Европе. Для многих европейцев США являются державой, которая господствует социально-экономически, культурно и политически в мире.

Заметим, что у европейских левых присутствуют аргументы для критики реального отношения американцев к «правам человека», к ценностям плюрализма и претензии по поводу нежелания согласовывать с ЕС акции применения военной силы.

Традиционно США развивались в соответствии с идеалами классического либерализма (минимизация государственного вмешательства в жизнь человека, низкие налоги, христианская этика, свобода экономической деятельности). Тем не менее, с 1965 года в новой волне реформ

иммиграционного законодательства прослеживается влияние левых идей, подкрепляемых комплексом «вины белого человека»: были расширены меры по снижению расовой дискриминации выходцев из стран «третьего мира». Дальнейшее законодательство было направлено на признание прав феминисток и представителей сексуальных меньшинств [22, с.10].

Спустя десятилетие, этот тренд подхватили страны Западной Европы: начиная с 1990-х гг. во Франции наблюдается тенденция к «позитивной дискриминации» - предоставления привилегий расово-этническим меньшинствам.

Американская пресса левой политической ориентации, медийный мейнстрим, в свою очередь, одобряет борьбу евросоциалистов с нарушителями политкорректности, напоминая своим читателям (и самим европейцам) о «фашистском» наследии и необходимости прилагать усилия к очистке европейского сознания от националистического мышления [19, с.60].

На этих же основаниях германские общественные деятели и известные ученые социал-демократического толка (Гюнтер Грасс, Юрген Хабермас) в 1980-е гг. выступали в защиту и за сохранение социалистической системы в Восточной Германии, представляя ее образцом социалистического гуманизма. Чтобы протесты жителей Восточной Германии не были услышаны, их радиочастоты глушились спецслужбами западногерманских земель. В 1991 г. слышались отдельные реплики, возражающие против объединения Германии [19, с.20]. После краха социалистического блока риторика европейских постмарксистов стала напоминать образцы 1940-х гг. – полное молчание и игнорирование фактов и нежелание подвергать ревизии левую идеологию.

Начиная с 1990-х гг., европейских левых стали считать постмарксистами. В идейном плане они уже весьма далеко ушли от традиционных ценностей, присущих марксистской теории: не защищают национализацию средств производства, не настаивают на конфискации частной собственности, допускают рыночную экономику, регулируемую государством.

По авторитетному мнению французского социалиста Ж. Делора и лидеру итальянской коммунистической партии Дж. Наполитано, рыночная экономика для Евросоюза желательна и даже неизбежна. Ее результат — достаток и процветание, а также разрушение национально-культурных преград между людьми [52, с.1].

Промышленное развитие и свободная торговля вывели европейские общества на уровень постнационального развития и повлияли на снятие ограничений отжившего буржуазного мира, тяготивших женщин и меньшинства. Теперь капитализм, перестав отождествляться с архаичным этапом развития, поставлен на службу мультикультурализма.

Подтверждением актуальности неомарксистской идеологии в XXI веке являются политические процессы в современной Италии. Созданная в 1991 году Партия коммунистического возрождения (ПКВ), быстро завоевавшая международное признание среди левых движений.

Заслуживает внимания VIII съезд партии, состоявшийся в 2011 г., на котором был принят программный документ «Объединить альтернативные левые силы, покончить с капитализмом, порождающий кризис». Его основная идея заключается в том — что коммунистическая идеология недостаточно оценена массами, хотя в настоящее время общество, нуждается в ней, как никогда ранее. Капитализм доказал свою неэффективность, демонстрируя неразрешимые кризисы, а вызванные им военные конфликты угрожают демократическому мировому сообществу. Претензии предъявляются как неолиберализму, так и социал-демократии, а несостоятельность коммунизма объясняется страхами перед возможным откатом в прошлое [23, с.120].

Авторы документа настаивали на попытке взвешенно оценить последствия Великой Октябрьской революции, в том числе — провалы попыток перехода к новому обществу. По мнению членов ПКВ, для реабилитации коммунистической идеологии необходимо отказаться от наследия сталинизма [56, с.10].

Для борьбы с последствиями неолиберальной политики и глобализации и созданием коммунистической альтернативы, приемлемой для борцов за свободу и справедливость, в документе составлена подробная программа мероприятий:

- интернациональное объединение всех трудящихся для борьбы с капитализмом;
- «демократизация общественной жизни», выражающаяся в обобществлении собственности людей, национализации предприятий и банков, создание условий для развития «демократии участия» на всех уровнях;
- переход на энергосберегающие технологии на производстве, поддержание экологии пространства;
- освобождение труда от проявлений капиталистической эксплуатации и отчуждения, сокращение продолжительности рабочего времени и установление равенства в заработной плате;
- расширение сферы общественной собственности, пересмотр роли общества в управлении экономическими отношениями;
- освобождение личности от буржуазных ограничений и создание условий для реализации права на самоопределение [45, с.30].

В программе подчеркивается, что современная Европа, став заложницей неолиберализма, переживает глубокий кризис. Положение дел в самой Италии также оценивается резко негативно: политика С. Берлускони привела к деградации промышленного потенциала, снижению заработных плат, наступлению на гражданские права и в результате усилила социальное неравенство.

Среди перечня конкретных мер по преодолению кризиса ПКВ рекомендует:

- 1) Изменить условия деятельности Европейского Центрального банка с целью ограничения финансовых спекуляций;
- 2) Отказ от приватизации, возвращение государственное регулирование экономики для стимулирования промышленного производства;

- 3) Введение налога на крупное наследство;
- 4) Сохранение системы государственного пенсионного обеспечения [20, с.30].

Отметим, что современные левые уже не настаивают на социалистическом планировании производства. Несмотря на то, что постмарксисты по-прежнему выступают за государственное вмешательство в экономическую жизнь в виде прогрессивного налогообложения, щедрые социальные пособия, субсидирование медицины и образования, их современная программа мало отличается от центристских партий в Европе и либеральных партий в США [30, с.100].

Представлениям европейских левых о современном миропорядке соответствуют идеи, изложенные в известном эссе Ф. Фукуямы «Конец истории», «либеральная демократия» представляет собой нивелирование национальных границ и национального самосознания, открытое для граждан правительство, свободную торговлю и обеспечение прав человека [50, с20]. Все эти положения становятся ориентирами будущего общества и обеспечат его дальнейшее прогрессивное развитие.

Примером политики, модифицированной благодаря допущению некоторых либеральных элементов в марксистскую идеологию, является шведский вариант социализма, основанный на поддержании благосостояния всех граждан и распределении благ между нуждающимися слоями населения за счет сборов суммарного налога в размере 60%. В условиях смешанной экономики правительство Швеции смогло добиться минимального уровня безработицы при низких темпах инфляции [15, с.40].

По-прежнему приоритетное значение занимает идея социального равенства и обеспеченности материальными благами. Важным направлением государственной деятельности является политика в сфере здоровьесбережения и образования.

В сфере производства Швеции доминирует частный сектор, ориентированный на эффективную экономическую деятельность и увеличение

прибыли. Государство, в свою очередь, обеспечивает перераспределение финансовых ресурсов, подтверждая свою «социальную ориентированность» [60, с.69].

Гражданам Швеции гарантированно предоставляется социальный пакет в случае болезни и потери трудоспособности, обеспечивается право на бесплатное среднее и высшее образование, оказывается помощь в предоставлении муниципального жилья. Масштабные социальные программы обеспечиваются за счет прогрессивного налогообложения в размере 25%, которое должно привести к социальной однородности населения и в дальнейшем – к равным возможностям развития [62, с.45].

Традиционно в Швеции сильны профсоюзные организации, выступающие субъектом трудового права, в отличие от работающего гражданина, как это принято в большинстве европейских стран [23, с.67]. Профсоюзы добились для трудящихся безопасных условий работы, справедливого уровня заработной платы, питания на рабочем месте, регулярных профилактических осмотров, предоставления бесплатных детских дошкольных и школьных учреждений.

В результате попытки балансирования между рыночной экономикой и доминированием государства в Швеции присутствует концепция т.н. «цивилизованного рынка», суть которой заключается в оправдании государственного вмешательства в рыночные отношения под предлогом защиты членов общества от экономических рисков, сохраняя пространство для коммерческой инициативы и мотивации к предпринимательству [48, с.20].

В итоге шведская модель социализма должна привести более справедливому распределению благ и к социальному выравниванию.

Очевидным аргументом в пользу «шведского социализма» является отвержение монетарной политики, суть которой заключается в удержании инфляции за счет снижения кредитной политики государства, сокращения финансирования социальных программ и, в целом, снижения дефицита бюджета. Вторым преимуществом для апологетов шведской модели является создание в этом государстве «настоящего социализма», в котором равенство

граждан проявлялось не в бедности, а, напротив, в их богатстве. Третье преимущество шведской модели – ориентирование на средний класс (60-70% населения) как основу гармоничного развития социума.

Швеция занимает первое место по доле государственных расходов в ВВП, на социальные нужды там тратится почти 60% ВВП, в т.ч. на пенсии – 12%, пособия по временной нетрудоспособности – 11%, на профобучение и переквалификацию – 7%, жилищные пособия – 5%, семейные пособия – 5%, пособия по безработице и расходы на организацию общественных работ – 2% и т. д [67, с.34].

Следствием социальной политики, реализуемой шведским руководством, являются и некоторые негативные тенденции: замедление темпов экономического развития, ухудшение конъюнктуры на мировом рынке, отток капитала в связи с высокими налоговыми ставками, снижение мотивации к труду из-за высоких социальных гарантий государства, увеличение инфляции и безработицы, рост преступности среди свободно проникающих в Швецию мигрантов из стран «третьего мира» ради материальных пособий.

Современные левые интеллектуалы отказались от многих традиционных положений классического марксизма, но сохранили непримиримое противостояние с теми, кто не разделяет их взглядов. Вне зависимости от направления политической борьбы – за права создавать гомосексуальные браки, за легализацию мужской проституции, за строительство мечетей за средства европейских налогоплательщиков – несогласие своих оппонентов они неизменно объясняют наличием у них фашистских установок или политической ангажированностью их мнения [20, с.67].

Подтверждением подобной нетерпимости к политическим оппонентам можно считать деятельность польской левицы – польской социалистической организации, в частности, объединения вокруг журнала «Политическая критика» (ПК), основанного в 2002 г. и известного своей приверженностью постмарксистской идеологии. В современных условиях эта организация может считаться самой стабильной и масштабной среди польского социалистического

движения. Основатель ПК – философ-публицист С. Сераковский. Лидер движения и его сторонники предпочитают быть внесистемной оппозицией, объясняя это «продажностью» партийной политики. По их убеждениям, современный кризис левицы является следствием общего кризиса демократии, где политика превратилась в одну из форм маркетинга [1, с.23].

Защищая идеалы свободы, равенства и братства, левица старается представлять те социальные группы, которые ощущают искусственные ограничения в реализации своих демократических прав – безработных, женщин, национальных и сексуальных меньшинств.

Также левица выступает за прогрессивный налог, права рабочих и социальный минимум. Как считает С. Сераковский, свободу необходимо «справедливо распределять между людьми» [1, с.19].

Лидер ПК с критикой отзывается о неолиберальной политике Л. Бальцеровича, полагая, что инициатор экономических реформ избрал «худшую из версий капитализма», хотя у Польши был шанс пойти по скандинавскому пути и избежать безработицы, банкротства и закрытия предприятий, ограничения потребления.

Приверженцы левицы убеждены, что экономика должна быть подчинена потребностям людей, а именно – должна быть социально-ориентированной, и обеспечивать развитие «государства всеобщего благосостояния». Польские левые подчеркивают, что экономический рост не должен вести к социальному неравенству.

ПК настаивает на необходимости государственной поддержки тех сфер культуры, которые не выдерживают конкуренции в рыночных условиях и не совпадают с запросами большинства общества на культурные тренды.

«Политическая критика» осуждает программы по защите семьи и поощрению рождаемости как ограничивающие права женщины на личностное развитие и побуждающие ее концентрироваться исключительно на семье. Увеличения населения можно добиться за счет миграции, а не естественного

прироста [23, с.20]. Также пропагандируется право женщин на аборты, противозачаточные средства, их равноправие в церкви с мужчинами.

Польская левица борется с ущемлением прав не католиков в одном из самых религиозных государств Европы, борясь за ограничение христианской символики в общественных местах и даже предлагая введение добровольного налога на церковь для верующих [1, с.30].

Сторонники ПК полагают, что человека с раннего детства необходимо воспитывать в духе социалистической сознательности и абсолютной толерантности к сексуальным меньшинствам. В этом контексте подчеркивается анахронизм польского консервативного законодательства, не соответствующего прогрессивным нормам ЕС.

На сегодняшний день в Западной Европе борцы за «социальную справедливость» создают собственную гражданскую культуру посредством использования связей с представителями государственной администрации и системы правосудия. В этой связи появляются и планомерно лоббируются законы против «мыслепреступлений», навязываются законодательные инициативы по социализации и позитивной дискриминации в системе государственного образования в отношении выходцев из стран «третьего мира», осуществляется бюджетная поддержка исламских учреждений в ущерб христианскому большинству [40, с.100].

Что касается привлекательности коммунистической идеологии для постмарксистских левых не как абстрактной цели, а как реальной практики, то при всех очевидных различиях между европейскими социалистическими правительствами и мультикультуралистами левые интеллектуалы эффективно скрывают «черные пятна» реализации коммунистической идеи, клеймя всех, кто пытается заговорить об этих проблемах, объявляют правыми радикалами.

По справедливому замечанию немецкого социолога В. Каспарта, в контексте постмарксистской идеологии политкорректность стала признаком «правильного сознания» по отношению назначенным «угнетенным» группам - чернокожим, индейцам, латиноамериканцам, гомосексуалистам, ВИЧ-

инфицированным, феминисткам. Другие социальные меньшинства, попадающие под категорию «жертв» не были в фокусе внимания левых: евреи, педофилы, курильщики и т.д. Несмотря на данные статистики смертности, где среди причин доминируют рак, инфаркт и другие болезни, именно СПИД пользуется статусом «политически корректного» заболевания [30, с.50]. Роль главного злодея и угнетателя у новых левых отводится белому гетеросексуальному мужчине.

Одним из проявлений политики постмарксистов является повышение внимания к вопросам равенства. Политкорректность как инструмент самоцензуры регулирует общественное поведение и даже выступает, как социальный лифт для продвижения по службе желающих быть востребованными, реализовываться в полной мере в соответствии с текущими обстоятельствами.

Культура, предлагаемая новыми левыми, создается мейнстрим-медиа, кругом интеллектуалов (Ноам Хомский, Том Хайден), государственно-административной системой. Эти структуры создали новую левую идеологию и навязывают ее как форму сакрализованной политики [68, с.23].

С одной стороны, постмарксисты монополизировали право на интерпретацию коммунистического прошлого, продолжая оправдывать тиранию правительства над людьми. С другой стороны, спекуляции на теме «фашизма», «расизма», «вины белого человека», «языка ненависти» позволяют фактам отрицания преступлений коммунизма выглядеть приемлемыми для общественного мнения. Новые левые настаивают на недопустимости проявления повышенного внимания к злодеяниям коммунистов в XX веке, запугивая общественность перманентной угрозой фашизма и нацизма. По их мнению, эффективным средством предотвращения данной опасности является работа «профессиональных» бюрократов по воспитанию населения в духе толерантности, а судьи и полиция, в свою очередь, обеспечат изоляцию несогласных от публики, готовой проявлять «терпимость» [50, с.36].

Реальные политические дискуссии показывают, что оснований для идейных расхождений между представителями различных социал-демократических лагерей становится все меньше. Предметом споров становятся несущественные решения по вопросам уровня налогообложения, установления уровня минимальной оплаты труда и т.п. Новые левые не пользуются реальной поддержкой рабочего класса, в связи с чем пролетарское самосознание, выступавшее критерием приверженности социализму потеряло свое идеологическое значение. Место этого социального ориентира занял левый мультикультурализм, основанный на власти государственных функционеров, т.н. креативный класс и сторонники позитивной дискриминации – заселения Запада мигрантами из стран «третьего мира» [59, с.90].

Применение неомарксистской теории во внутренней политике второй половины гг. XX века привело к целому комплексу проблем, начиная от морально-нравственного состояния социума, заканчивая экономикой и международными отношениями. Позитивный эффект от реализации политики в русле неомарксизма может быть достигнут в случае сохранения свободных рыночных отношений и защиты частной собственности, как это происходит в Швеции.

Итак, реализация неолиберальной и постмарксистской идеологий на практике приводят к результатам, мало отличающимся друг от друга. Стабильное развитие общества возможно только при условии расширения либеральной теории на все сферы жизни общества и сокращения социализма соответственно.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В данной работе было проведено исследование истории становления, эволюции и симбиоза либеральных и социалистических идей, а также были рассмотрены социально-политические концепции основных представителей данных теорий и их практическое воплощение.

Появление либеральных и социалистических политико-философских идей было обусловлено потребностями общества в усовершенствовании социальной системы, упорядочения взаимоотношений между обществом, государством и отдельной личностью, переосмыслением представлений об истоках государственной власти и, в целом, трансформацией картины мира европейского человека в XVII – XIX веках под влиянием научных открытий, развития и усложнения общественных отношений.

В законченных концепциях либерализма и социализма очевидно принципиально различие по отношению к

- свободе человека и ее назначению;
- частной собственности;
- месту и роли государства в жизни человека;
- пониманию категорий свободы и равенства;
- представлениям о назначении закона и права;
- пониманию и оценкам процесса исторического развития;
- соотношению индивидуальных и коллективных ценностей.

Во второй главе было выявлено, что теоретический симбиоз либеральной и социалистической концепций представляет собой взаимовлияние ключевых идей данных доктрин, обусловленный социальными потрясениями первой половины XX века. Установление социализма на территории России к 1920-м гг., приход к власти в Германии национал-социалистической партии, трагедия пережитых мировых войн заставили сторонников либерализма и социализма пересмотреть свои классические теории для адаптации их к новым реалиям, сложившимся в середине XX века.

Данное переосмысление породило т.н. концепции «неомарксизма» и «неолиберализма». Первая представляла собой попытку восполнить недостаточную научную полноту классической марксистской теории за счет смягчения отношения к неизбежности социалистической революции, дополнения его психологическими изысканиями в духе фрейдизма и изменения объекта предназначения главной роли в политическом процессе с пролетариата на угнетенные национальные, сексуальные и прочие меньшинства, а также маргинальные категории населения и асоциальную молодежь. Неолиберализм, в свою очередь, был призван оправдать вмешательство государства в экономику, социум, вплоть до приватной сферы жизни личности. Таким образом, взаимообогащение социализма и либерализма традиционно не присущими им идеями, должно было, по мнению их приверженцев, сделать данные теории более жизнеспособными и практически реализуемыми, но в конечном итоге привело к серьезному отходу от первоначальных политико-философских систем.

Анализ реализации на практике неолиберальной политики в ряде государств мира (США, Великобритания, Франция, Чили, Новая Зеландия,) позволил оценить ее достоинства и недостатки. Изученные страноведческие примеры позволяют констатировать различные результаты неолиберальной политики. Неолиберализм в политическом курсе Франклина Рузвельта, Маргарет Тэтчер, Николя Саркози, Аугусто Пиночета, Роджера Дугласа, помог подняться государствам по уровню жизни, экономическому и социальному развитию. Основными показателями позитивного развития в этих странах являются: рост ВВП на душу населения, увеличение налоговых поступлений в бюджет за счет увеличения деловой активности в государстве, возрастание государственных расходов на образование и медицину.

Тем не менее, неолиберальная программа, на наш взгляд, не является универсальной: к высоким результатам она может не привести в случае реализации в государствах с низким уровнем развития демократии, слабой институциональной защитой прав частной собственности, непрозрачностью политиче-

ской системы. Негативными примерами могут стать Россия в 1990-е годы и современная Украина. Также одним из негативных итогов реализации неолиберального курса может стать рост дефицита бюджета в связи с высокими государственными расходами, как это произошло во Франции в начале второго десятилетия XXI века. Обратной стороной неолиберализма на практике становится констатируемое многими политологами усиление государственного контроля над обществом, не свойственного традиционным либеральным ценностям: например, в Сингапуре это достигалось путем запрета демонстраций, принудительного переселения из гетто в социальное жилье, рекомендации в выборе партнеров для заключения брака, ограничение демократических процедур.

Изучение концепции неомарксизма в политической практике таких государств, как Италия (1990-е гг.), Польша (1990-е гг.) и современная Швеция (1970 – 1980-е гг.) позволяет прийти к выводу о том, что современный социализм представляет собой систему бюрократически управляемого общества. Левые партии в рассмотренных государствах уже настаивают на социалистическом планировании экономики, не защищают национализацию средств производства, не настаивают на конфискации частной собственности, допускают рыночную экономику, регулирующую государством. Таким образом, связь с классическим марксизмом новых левых становится все менее очевидной.

Подчеркнем, что одобрение современными левыми движениями прогрессивного подоходного налога, принятие широких социальных обязательств государством всеобщего благосостояния, поддержание государственного финансирования системы образования и здравоохранения в современных условиях мало отличают позицию постмарксистов от политики европейских партий, придерживающихся неолиберальной доктрины.

Материал по левым движениям в современной Европе показал, что новые левые уже не пользуются реальной поддержкой рабочего класса. Основную электоральную базу для них составляют категория граждан, зависящих от

государственного бюджета, а также те социальные группы, которые ощущают искусственные ограничения в реализации своих демократических прав – безработные, женщины, национальные и сексуальные меньшинства. Место уже неактуального «пролетарского самосознания» занял левый мультикультурализм – коллективистская идеология, которая обосновывает социальные притязания отдельных национальных групп принадлежностью к определенной культуре. Данная теория позволяет обосновать претензии на равенство прав с европейским населением мигрантов из стран «третьего мира».

Обратим внимание, что применение неомарксистской теории во внутренней политике конца XX века привело к целому комплексу проблем, начиная от морально-нравственного состояния социума, заканчивая экономикой и международными отношениями. Обобщив основные теоретические положения, реализуемые в политике современных левых партий, можно представить их перечень следующим образом:

1. Мультикультурализм.
2. Толерантность
3. Политкорректность.
4. Права ЛГБТ.
5. Воспитание детей в однополых семьях.
6. Радикальный феминизм.
7. Раннее сексуальное воспитание детей.
8. Трансгендерность как естественная норма.
9. Намеренное замалчивание преступлений коммунизма и насущных проблем.

Анализ материалов по отдельным странам показал, что симбиоз либеральной и социалистической идеологии в итоге приводит к нивелированию этих теорий как таковых. Фундаментальные ценности классической социалистической и либеральной доктрин размыты, политики и интеллектуалы пользуются идеями, которые не соответствуют их традиционным взглядам (неолиберальная практика коммунистической партии Китая, лейбористской партии Новой Зе-

ландии, некоторые политические программы левой ориентации в США в период президентства республиканца Д. Буша и др.). В неолиберализме и в постмарксизме применяются одинаковые подходы и технологии в политике, начиная от экономики, заканчивая межличностными отношениями.

Сравнительный анализ социалистической и либеральной идеи и изучение их дальнейшей эволюции показали, что непротиворечивый симбиоз между ними невозможен по нескольким причинам: для либералов человеческая жизнь это самоценность, у социалистов же полностью подчинен системе государственного управления; либералы не доверяют государству (какое оно ни было бы) и стремятся к ограничению его полномочий, социалисты же требуют развязать руки государству для проникновения во все сферы жизнедеятельности людей; священное право частной собственности у либералов, у социалистов же частичное ограничение или полная ликвидация частной собственности; свободная торговля у либералов, у социалистов частичное ограничение (протекционизм) или полное отключение общества от зарубежных товаров и услуг; свобода слова у либералов, у социалистов тотальная цензура, так как средства массовой информации находятся в руках государства.

Возможным выходом из сложившегося в настоящее время кризиса идеологий может стать реабилитация классических доктрин, из которых в процессе исторической эволюции вышли современные гибриды несовместимых теорий. Попытка построения социализма в отдельно взятой стране показала всему миру полную несостоятельность и системную ошибочность этой идеологии. Современному обществу могли бы стать полезными, идеи классического либерализма, провозглашавшие понятные и непротиворечащие реальности истины: верховенство человеческой жизни, неприкосновенность частной собственности, свободная торговля, низкие налоговые ставки, независимая от государственной интервенции судебная система, христианская моральная этика. Реальная практика идей классического либерализма в таких странах как Сингапур, Гонконг, Новая Зеландия или Австралия, показывает, что в государстве устанавливается социальная гармония и почти непрерывный экономический рост, отсутствуют

искусственные административные ограничения для реализации человеческих талантов и предпринимательских идей, ликвидируется коррупция. Общество становится на путь экономического процветания и мира.

Вопрос будущего выбора в политике обусловлен нравственными ориентирами интеллектуальной и политической элиты, а также ожиданиями общества. Безусловно, любые серьезные трансформации в политической системе могут стать болезненными для граждан. Важно осознавать, что своевременно проведенные реформы могут позволить избежать более катастрофических социальных последствий, вызванных банкротством государства и коллапсом национальной экономики.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адорно, Т., Хоркхаймер, М. Диалектика просвещения. Философские фрагменты. Санкт-Петербург: Медиум, Ювента, 1997. - 310 с.
2. Адорно, Т. Диалектика просвещения. М.: Директ-Медиа, 2007. -109 с.
3. Адорно, Т. Исследование авторитарной личности. М.: Директ-Медиа, 2007. - 425 с.
4. Адорно, Т. Негативная диалектика / Перевод с немецкого – Е.Л. Петренко. М.: Научный мир, 2003. - 374 с.
5. Бентам, И. Введение в основания нравственности и законодательства. М.: РОССПЭН, 1998. - 415 с.
6. Бентам, И. Принципы законодательства. О влиянии условий времени и места на законодательство. Руководство по политической экономии. Изд. 2-е. М.: Либроком, 2012. -137 с.
7. Гамильтон, А., Мэдисон, Дж. и Джей, Дж. Федералист. М.: Директ-МЕДИА, 1991. - 250 с.
8. Гоббс, Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского / Гоббс Т. Сочинения: В 2 т. – Т. 2. М.: Мысль, 1991. - 430 с.
9. Грамши, А. Политика и искусство. М.: Директ-МЕДИА, 1991. - 432 с.
10. Локк, Дж. Два трактата о правлении. Перевод: Лагутин Е. С.; Семенов Ю. В. Социум. 2014. Челябинск. - 450 с.
11. Маркс, К. Манифест коммунистической партии. М.: Директ-Медиа, 2014. -49 с.
12. Маркузе, Г. Одномерный человек. М.: Директ-Медиа, 2007. - 478 с.
13. Маркузе, Г. Эрос и цивилизация. М.: Директ-Медиа, 2007. Переводчик: Юдин А. - 460 с.
14. Мизес, Л. фон. Либерализм в классической традиции: Пер. с англ. М.: «Начала-Пресс», 1994. - 450 с.

15. Милль, Дж. С. О свободе. Переводчик: Неведомский А.Н. М.: Директ-Медиа, 1990. - 188 с.
16. Мор, Т. Утопия. М.: Директ-Медиа, 2006. - 206 с.
17. Оуэн, Р. Его жизнь и общественная деятельность. М.: Директ-Медиа, 2014. - 113 с.
18. Оуэн, Р. Избранные сочинения в двух томах. М.: Издательство Академии наук СССР, 1950. Серия: Предшественники научного социализма. - 500 с.
19. Оуэн, Р. Избранные сочинения. Том I. Переводчик: С.А. Фейгина. М.: Издательство Академии Наук СССР, 1950. Серия: Предшественники научного социализма. - 419 с.
20. Прудон, П. Что такое собственность? М.: Эксмо, 1998. - 369 с.
21. Руссо, Ж.Ж. Об общественном договоре. Перевод с франц. А.Д. Хаютина и В.С. Алексеева-Попова. Трактаты / Пер. с фр. - М.: «КАНОН-пресс», «Кучково поле», 1998. - 416 с.
22. Сен-Симон, А. Избранные сочинения. Т. 1-2 М., Л.: «Мысль», 1948. - 246 с.
23. Сен-Симон, А. Катехизис промышленников. Пер. с фр. - Изд. 2-е. - М.: Либроком, 2011. - 176 с.
24. Сен-Симон и сен-симонизм. М.: Унив. тип., 1901.- 745 с.
25. Смит, А. Исследование о природе и причинах богатства народов. Переводчик: Клюкин П. Н.. М.: Эксмо, 2016. - 1056 с.
26. Токвиль, А. Демократия в Америке. М.: Прогресс, 1994. - 554 с.
27. Фромм, Э. Бегство от свободы. М.: Издательство «АСТ Москва», 2009. - 284 с.
28. Фромм, Э. З. Анатомия человеческой деструктивности. М.: Директ-Медиа, 2008. - 1149 с.
29. Фромм, Э. Здоровое общество. М.: ООО «Издательство АСТ», 2005. - 590 с.
30. Фуко, М. Субъект и власть. В кн.: Интеллектуалы и власть. Т. 3. М.: Научный мир, 1999. - 300 с.

31. Фурье, Ш. Избранные сочинения в трех томах. М.: Соцэкгиз, 1938.- 100 с.
32. Фурье, Ш. Теория четырех движений и всеобщих судеб. Соцэкгиз, 1938. - 312 с.
33. Хабермас, Ю. Теория коммуникативного действия. М: Директ-Медиа, 2010. - 450 с.
34. Хоркхаймер, М., Адорно, Т. В. Диалектика просвещения, философские фрагменты. М: 2000. - 780 с.
35. Энгельс, Ф. Анти-Дюринг. М., Госполитиздат, 1950 г. - 376 с.
36. Энгельс, Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М.: Директ-Медиа, 2012. - 260 с.
37. Автомонов, В. «Рыночное поведение»: рациональность и этические аспекты. М.: Директ-Медиа, 1997. - 156 с.
38. Алессина, А., Джавацци, Ф. Либерализм – левая идея. – М.: ООО «Юнайтед Пресс», 2011. - 360 с.
39. Берлин, И. Философия свободы. Европа. - М.: Новое литер. обозр., 2001. - 448 с.
40. Бессонов, Б.Н. Антимарксизм под флагом «неомарксизма». М., «Мысль», 1978. - 342 с.
41. Бетелл, Т. Собственность и процветание. Переводчик: Борис Пинскер. М.: ИРИСЭН, 2008. - 480 с.
42. Болтон, К. Левые психопаты. М.: Директ-Медиа, 2012. – 290 с.
43. Бороненкова, Я. С. Психоаналитическая социальная философия: монография. М.: Флинта, 2011. - 112 с.
44. Борох, О.Н. Актуальные проблемы экономики КНР. - М., ИДВ РАН, 1999. - 128 с.
45. Варгас, Л. М. Либерализм в новом тысячелетии. М.: Директ-Медиа, 2010. - 200 с.
46. Готфрид, П. Странная смерть марксизма. М.: Мысль, ИРИСЭН, 2009. - 256 с.
47. Гринберг, Р. С. , Рубинштейн, А. Я. Индивидуум & Государство:

- экономическая дилемма. М.: Весь Мир, 2014. - 480 с.
48. Грызунова, Е. В. Тэтчеризм как «экономическое чудо» Великобритании / Актуальные вопросы экономических наук: материалы II Междунар. науч. конф. (г. Уфа, апрель 2013 г.). - Уфа: Лето, 2013. - 650 с.
49. Давыдов, Ю.Н. Критика социально-философских воззрений Франкфуртской школы. М.: Наука, 1977. - 319 с.
50. Дмитриев, А. Н. Марксизм без пролетариата: Георг Лукач и ранняя Франкфуртская школа (1920-1930-е гг.). СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге, Летний сад, 2004. - 528 с.
51. Жирнов, О. А. «Новые левые» в Европе. (Обзор) / Актуальные проблемы Европы. 2012. № 2. - 120 с.
52. Жирнов, О. А. Левая идея: Закат или обновление? (Обзор) / Актуальные проблемы Европы. 2012. - 100 с.
53. Замошкин, Ю. А., Мотрошилова, Н. В. Критична ли «критическая теория общества» Герберта Маркузе? / Вопросы философии. - 1968. - № 10. - 245 с.
54. Капитонова, Н. К. Маргарет Тэтчер: человек и политик / Н. К. Капитонова Новая и новейшая история. - 2007. - № 2. - 120 с.
55. Каспарт, В. 1968: правильный диагноз – неправильное лечение! Пер. с нем. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://velesova-sloboda.vho.org/polit/caspart-1968-pravilnyj-diagnoz-nepravilnoelechenie.html>
56. Кручинина, Н. А. Британские политические традиции: либерализм, консерватизм, социализм: курс лекций. Екатеринбург: Издательство Уральского университета. 2014. - 380 с.
57. Майбурд, Е.М. Введение в историю экономической мысли. От пророков до профессоров. М.: Республика, 1996. - 200 с.
58. Макконнелл, К. Г., Брю, С. Л. Экономикс: Принципы, проблемы и политика. - М.: Республика, 1992. - Т. 1. - 400 с.
59. Маркова, А.Н., Кривцова, Н.С., Квасов, А.С. История мировой экономики. Хозяйственные реформы 1920 – 1990 гг. М.: Закон и право, ЮНИТИ, 1995. - 254 с.

60. Менгер, К. Исследования о методах социальных наук и политической экономии в особенности. М.: Директ-Медиа, 2007. - 307 с.
61. Михайлов, И. А. Макс Хоркхаймер. Становление Франкфуртской школы социальных исследований, Ч. 1. 1914-1939 гг. М.: ИФ РАН, 2008. - 228 с.
62. Михайлов, И. А. Макс Хоркхаймер. Становление Франкфуртской школы социальных исследований, Ч. 2. 1940-1973 гг. М.: ИФ РАН, 2010. - 228 с.
63. Перегудов, С. П. Тэтчер и тэтчеризм / С. П. Перегудов. М.: Наука, 1996. – - 250 с.
64. Пивоварова, Э.П. Социализм с китайской спецификой. - М., 1999. - 180 с.
65. Поланьи, К. Великая трансформация: прошлое, настоящее будущее. Под редакцией проф. Р.М. Нуреева. М: 2006. - 321 с.
66. Райх, В. Психология масс и фашизм. СПб., 1997. - 490 с.
67. Рид, Л. Ни левый, ни правый. М.: Директ-Медиа, 2010. - 78 с.
68. Рубинштейн, А.Я. Социальный либерализм. Под редакцией: Плискевич Н.М. СПб.: Алетейя, 2016. - 456 с.
69. Социальная философия Франкфуртской школы (Критические очерки). Ред. коллегия: Б. Н. Бессонов и др. М., «Мысль»; Прага, «Свобода», 1975. - 359 с.
70. Стедмен-Джоунс, Д. Рождение неолиберальной политики: от Хайека и Фридмана до Рейгана и Тэтчер/ пер.с англ. А.А. Столярова; науч.ред. А.В.Куряев – М; Челябинск: Социум; Мысль, 2017. - 522 с.
71. Фарман, И. П. Социально-культурные проекты Юргена Хабермаса. М.: ИФ РАН, 1999. - 245 с.
72. Федорова, М.М. Классический французский либерализм. Сборник переводов текстов Бенжамена Констана и Франсуа Гизо. М.: РОССПЭН. 2000. - 290 с.
73. Философия свободы: научное издание. Ответственный редактор: Гаспарян Д.Э. СПб.: Алетейя. 2015. - 270 с.
74. Фридман, М. Взаимосвязь между экономической и политической свободами. Могучая рука рынка. Свобода, равенство и эгалитаризм. М.:

Директ-Медиа, 2010. - 101 с.

75.Фукуяма, Ф. Конец истории и последний человек. Переводчик: Михаил Левин. М.: АСТ, 2015. - 350 с.

76.Уэрта де Сото, Х. Социализм, экономический расчет и предпринимательская функция. М; Челябинск: Социум; Мысль, 2010. - 496 с.

77.Хайек, Ф. А. Судьбы либерализма в XX веке. М.: ИРИСЭН, Социум, Мысль, 2012. – 344 с.

78.Хайек, Ф. Кто кого? Либерализм. М.: Директ-Медиа, 2010 - 60 с.

79.Хайек, Ф. А. Судьбы либерализма в XX веке. М.: ИРИСЭН, Социум, Мысль, 2012. – 344 с.

80.Хайек, Ф.А. Индивидуализм и экономический порядок. М.: Директ-Медиа, 2010. - 409 с.

81.Штейгервальд, Р. «Третий путь» Герберта Маркузе. М.: Международные отношения, 1971. - 342 с.

82.Ciesla, J. Guru kameralnej rewolty / Polityka. – W-wa, 2008. - 280 s.

83.Krytyki politycznej przewodnik lewicy. Idee, datyi fakty, pytaniai odpowiedzi. – W-wa, 2007. - 326 s.

84.Sierakowski, S. Lewica pewna siebie.W-wa, 2010. - 210 s.

85.Wenrou, H. Reform of the Social Security System in China, Beijing, 2000, - 125 p.